

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 3 (27), 2020

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2020

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 3 (27), 2020

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 3 (27), 2020

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Batayeva A.A., Toybol K.
STRUCTURES AND METHODS OF WORD-COMBINATION SEMANTICS
WITH COUNTER WORDS IN CHINESE, KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES 8

Kalyakbar U.N.
TEXT IN SPEECH ACTIVITY 13

Kashkan T.A.
THE SPECIFICS OF THE SCIENTIFIC STYLE IN ENGLISH LANGUAGE 16

Motailo L.A.
FORMATION OF INTERCULTURAL AND LANGUAGE INTERACTION
SKILLS IN PREPARING OF PUBLIC SPEECHES IN A FOREIGN LANGUAGE..... 18

Literary Studies

Lizon M.
FACTORS OF TRANSFORMATION OF THE PLACE OF RUSSIAN FICTION
IN SLOVAKIA AFTER 1989 IN THE FIELD OF EDUCATION AND IN THE BOOK MARKET 21

Russian Literature

Boyko S.S.
LOSSING AND GAINING FAITH: SPIRITUAL EVOLUTION
OF THE INTELLIGENTSIA OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
IN SERGEY DURYLIN'S STORY "THE SWEETNESS OF ANGELS" 30

Journalism

Galzitskaya Yu.A.
"A WRITER'S DIARY" BY F.M. DOSTOEVSKY AS A PROTOTYPE OF AN INTERNET BLOG 35

Dzhuchukova A.S.
WORD CREATION ON THE EXAMPLE OF A LANGUAGE GAME ON THE INTERNET 39

Zhauniarovich P.P.
EDITORIAL CHANGES OF TITLES
(ON THE EXAMPLE OF WORKS BY VLADIMIR KOROTKEVICH) 41

Linguistics

Tsukanova E.V.
SPACE METAPHOR WITHIN LEGAL TERMINOLOGY 45

Zhang Sho
SERVICE UNITS ON THE BASIS OF THE WORD "ИНАЧЕ"
EXPRESSES AN EXPLANATORY RELATIONSHIP 48

Languages of Peoples of the Russian Federation

<i>Dzhumaeva A.A.</i> FUNCTION WORDS IN THE NOGAI LANGUAGE	55
<i>Ramazanova M.K.</i> FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE <i>БЕC</i> PARTICLE IN THE LEZGIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE ARTISTIC TEXT).....	61

Slavic Languages

<i>Dyszak A.S.</i> WHAT ARE THE NAMES OF HOMOSEXUAL WOMEN AND HOMOSEXUAL MEN IN CONTEMPORARY POLISH?	65
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

- Батаева А.А., Тойбол К.*
СТРУКТУРЫ И МЕТОДЫ СЕМАНТИКИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
СО СЧЕТНЫМИ СЛОВАМИ В КИТАЙСКОМ КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ 8
- Калякбар У.Н.*
ТЕКСТ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 13
- Кашикан Т.А.*
СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО СТИЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ..... 16
- Мотайло Л.А.*
ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ 18

Литературоведение

- Лизонь М.*
ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕСТА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ 1989 Г. В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НА КНИЖНОМ РЫНКЕ 21

Русская литература

- Бойко С.С.*
УТРАТА И ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ: ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НАЧАЛА ХХ В. В РАССКАЗЕ СЕРГЕЯ ДУРЫЛИНА «СЛАДОСТЬ АНГЕЛОВ» 30

Журналистика

- Галзитская Ю.А.*
«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ПРООБРАЗ ИНТЕРНЕТ-БЛОГА..... 35
- Джучукова А.С.*
СЛОВОТВОРЧЕСТВО НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ИНТЕРНЕТЕ 39
- Жолнерович П.П.*
РЕДАКТОРСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАГЛАВИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА) 41

Языкознание

- Цуканова Е.В.*
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА В ТЕРМИНОЛОГИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ..... 45
- Чжан Шо*
СЛУЖЕБНЫЕ ЕДИНИЦЫ НА БАЗЕ СЛОВА «ИНАЧЕ»,
ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 48

Языки народов Российской Федерации

Джумаева А.А.
СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ 55

Рамазанова М.К.
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТИЦЫ *БЕС*
В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА) 61

Славянские языки

Дышак А.С.
КАКОВЫ ИМЕНА ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ ЖЕНЩИН
И ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ МУЖЧИН В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ? 65

УДК 80

СТРУКТУРЫ И МЕТОДЫ СЕМАНТИКИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ СО СЧЕТНЫМИ СЛОВАМИ В КИТАЙСКОМ КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.А. Батаева¹, К. Тойбол²

¹ старший преподаватель, ² магистр

Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан), Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию структур и методов семантики словосочетаний со счетными словами в китайском казахском и русском языках.

Ключевые слова: словосочетания, семантика словосочетаний, казахский язык, китайский язык, русский язык.

Все увеличивающийся в последние десятилетия интерес к сопоставительному и типологическому языкознанию объясняется, на наш взгляд, не только возросшей коммуникацией и взаимодействием языков, стремлением лингвистов улучшить преподавание и изучение иностранных языков, но и необходимостью в разработке методики преподавания неродного языка с учетом характерных особенностей родного. Актуально это как для носителей близкородственных языков, так и для студентов, для которых изучаемый иностранный язык далек по своему строю от их родного. Сопоставительная лингвистика, предметом которой является, как известно, сравнение двух и более языков, помогает решить целый спектр задач, отмеченных языковедами и методистами. Сопоставительные исследования призваны определить сходства и различия между сопоставляемыми языками, выявить те признаки, которые остались незамеченными при изучении одного языка; обозначить характерные для данных языков тенденции; определить системные соответствия и несоответствия между языками; определить их точки взаимодействия и взаимообогащения; установить причины сходств и различий; определить методическую релевантность сходств и различий между сопоставляемыми языками; установить характер межъязыковых интерференций; определить трудности изучения неродного языка, возникающие в результате межъязыковых различий; определить границы применения межъязыкового сравнения как приема обучения неродному языку. Сопоставление русского, казахского и китайского языков проводилось на разных уровнях, есть целый ряд работ, в которых описаны те или иные вопросы, касающиеся фонетики, лексики, грамматической структуры языков, языковых стереотипов русских и китайцев, перевода. В лингвистической литературе отмечены такие отличия между данными языками, как: свободный порядок слов в русском языке, казахском и строгий в китайском; многочисленные заимствования в русском языке и «пуристичность» китайской лексики; фонетическая основа русской письменности и идеографическая китайской; сложная система форм слова и словообразования в русском языке и своеобразный принцип конструктора в китайском и так далее. Следует отметить, что сопоставительные исследования такого рода важны прежде всего для преподавателя. Очевидно, что, если бы преподаватель иностранного языка не только свободно владел этим языком, глубоко понимал его структуру, но и отчетливо представлял

себе релевантные сходства и различия между родным языком студентов и преподаваемым им иностранным, он бы с легкостью предвидел интерференцию, знал пути ее преодоления и эффективно предотвращал непонимание или разного рода трудности в освоении иностранного языка. Но воспользоваться такой возможностью можно лишь на занятиях в одноподгрупповой аудитории, например, на занятиях по сопоставительной грамматике русского и китайского языка со студентами-китайцами. Одним из самых сложных, требующих детального рассмотрения и разъяснения многих аспектов вопросов в данном курсе является вопрос об имени числительном. Рассмотрим данный вопрос, основываясь на разработанных к настоящему моменту соответствующих принципах сравнения языков, благодаря которым сопоставительная лингвистика стала лингвистической основой обучения неродному языку. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить и описать сходные и отличительные свойства имени числительного как части речи в русском и китайском языках. Для достижения поставленной цели предполагается решить несколько задач: 1) дать оптимальное определение имени числительного как части речи в русском и китайском языках; 2) выявить особенности русской и китайской счетных систем, которые лежат в основе числовых номинаций; 3) установить набор грамматических категорий, которыми обладает данная часть речи в соответствующих языках; 4) описать принципы употребления отдельных разрядов счетных в русском, казахском и китайском языках.

Прежде всего рассмотрим определения имени числительного. В грамматике китайского языка «числительное – часть речи, обозначающая отвлеченные числа, количество предметов или порядок предметов при счете». В русском и казахском языках числительное определяют как часть речи, выражающую лексическое значение количества, сочетающееся с грамматической категорией падежа, а иногда и рода. Несколько иначе расставлены акценты в определении филолога Л.Д. Чесноковой: Имя числительное – это знаменательная часть речи, которая выражает всей совокупностью входящих в нее слов, расположенных в строгой последовательности, существующую в данном языковом обществе счетную систему, а каждое числительное выражает элемент этой системы – числовое понятие (число, количество предметов, порядок их при счете – место в счетном ряду) [3, с. 362].

Сама автор отмечает, что данное определение отличается от традиционного указания на то, что числительные всей совокупностью входящих в этот класс слов выражают существующую в данном языковом обществе счетную систему – ряд натуральных чисел, где каждый элемент занимает строго определенное место в этой системе и отличается от рядом стоящих элементов на определенную одинаковую величину – единицу: ... три, четыре, пять... и так далее.

Данное определение, на наш взгляд, оптимально и универсально в том смысле, что может быть использовано и для определения числительного в других языках, в частности китайского, так как не актуализирует грамматические категории данной части речи в определенном языке. При этом данная дефиниция учитывает отличия счетных систем в рассматриваемых языках, что важно, поскольку китайская грамматическая система существенно отличается от русской и казахской набором грамматических категорий, в которых выражается значение той или иной части речи.

При изучении имени числительного необходимо сопоставить счетные системы в соответствующих языках, обратить внимание на некоторые несоответствия в них. Так, в китайской системе счета по сравнению с системой счета, принятой в русском языке, имеется разряд десятки тысяч и, соответственно, специальное наименование; при этом нет такого разряда, как миллионы. Сотни миллионов обозначаются словом 亿 или 万万. Слова 百 сто, 千 тысяча, 万 десять тысяч, 亿 сотни миллионов употребляются как названия разрядов и не являются обозначениями соответствующих чисел. Поэтому сто будет 一百, а не 百, тысяча – 一千, а не 千, десять тысяч – 一万, а не сто миллионов – 一亿, а не 亿. В русском языке использование различных форм, которые составляют подобные числительные, позволяет употреблять

данные лексемы без числительного один, так как форма единственного числа именительного падежа подразумевает соответствующее значение. Во всех остальных случаях используются формы родительного единственного (две тысячи, три миллиона) или множественного числа (пять тысяч, восемь миллионов). Что касается слова 十, то оно является обозначением числа. Поэтому десять будет 十, а не 一十. В многозначных же числах 十 употребляется как название разряда десятков: 三百一十三 триста тринадцать. Интересно, что числительное два обозначается в китайском языке двояко: 二 и 两.

Основное различие между 二 и 两 заключается в том, что 二 употребляется при абстрактном счете, а 两 – при конкретном, то есть при указании числа предметов: 一, 二, 三 – один, два, три; 两个人 – два человека. Но в сложных числительных в пределах до ста употребляется только 二: 二十二 – двадцать два, 十二个人 – двенадцать человек. С названиями разрядов 百 сотни, 千 тысячи,

десятки тысяч, а также с некоторыми именами существительными, обозначающими единицы измерения (年 – год, 毛 – гривенник) употребляется как 二, так и 两. Если говорить о разрядах числительных, то традиционно в русском и казахском языках, как и в китайском, выделяются прежде всего числительные количественные и порядковые. Количественные в свою очередь подразделяются на числительные, обозначающие целые числа и дробные. При этом среди русских количественных числительных выделяется также особая по значению и употреблению группа слов – собирательные числительные. Рассмотрим подробнее каждый из разрядов и подразрядов, опираясь на их значение и морфологические признаки.

В русском языке количественное числительное, как известно, совмещает признаки трех частей речи – числительного, существительного и прилагательного. Это находит отражение в категориальном значении числительных и в их грамматических признаках. Говоря о категориальном значении числительного, следует исходить из того, что числительные, независимо от их принадлежности к тому или иному разряду, обозначают количество в его самом широком понимании. Значение числа – это значение элемента счетной системы, представляющей собой ряд натуральных чисел, в этом значении числительное содержит, наряду с количественной семантикой, и определенную долю семантики предметности и признаковости [4, с. 58]. Количественные числительные называют число или количество предметов в виде целых величин, изменяются по падежам, рода не имеют (кроме слов один, два, тысяча, миллион, миллиард и другие).

Разновидности количественных числительных также различаются по количественному значению, морфологическим и функциональным особенностям. Количественные числительные, называющие определенное число или количество предметов в виде целых величин, могут быть простыми, сложными и составными. Они изменяются по падежам, при склонении сложных и составных числительных изменяется каждая часть слова или составного образования. Количественные числительные не могут сочетаться с прилагательными и причастиями, а также с числительными. Они не имеют категории числа и рода (кроме слов один, два, тысяча, миллион и т. п.) и являются средствами выражения счета (три плюс два – пять). При анализе следует обратить внимание студентов на необходимость отличать такие числительные в сочетании с существительными от счетного существительного типа двойка, десяток, сотня.

Счетные существительные в отличие от числительных изменяются по числам (четверка – четверки), имеют постоянный признак рода (четверка – ж. р., десяток – м. р.), могут иметь согласованные с ними определения (отважная четверка, последний десяток), сочетаются с числительными (две четверки, пять десятков). Своеобразную группу как в русском, казахском так и в китайском языке представляют слова и сочетания слов, обозначающие дробные и смешанные величины: полтора, восемь сотых, три четверти, две целых три десятых и тому подобное. По своему значению эти единицы тесно связаны с количественными

числительными, но по грамматическим особенностям они являются пестрой группой: 1) слово полтора – типичное количественное числительное; оно образовалось путем сложения слов пол (половина) и втора (второго) или вторы (второй) с выпадением звука в; 2) сочетания восемьсотых, одна вторая, четыре десятых, состоят из количественного и прибавленного к нему порядкового числительного (собственно, восемь сотых долей единицы, одна вторая доля единицы, четыре десятых доли единицы и т. д., но существительные долей единицы, доля единицы, и доли единицы опускаются) – это самая большая группа словосочетаний, обозначающих дробные величины; 3) сочетания две трети, три четверти состоят из количественного числительного и прибавленного к нему существительного в родительном падеже; 4) сочетание две целых три сотых состоит из количественных (две, три) и порядкового (сотых) числительных и прилагательного (целых), употребленного в значении существительного

Собирательные числительные (двое, десятеро) обозначают определенное количество предметов как единое целое, как совокупность. По структуре все они простые, в состав дробных входить не могут, имеют суффиксы –о- [-ое-], -ер-, помогающие разграничивать собирательные и определенно-количественные числительные в косвенных падежах: двух и двоих, пяти и пятерых. Собирательные числительные не имеют категории рода и числа, изменяются только по падежам. В счете не участвуют, имеют ограниченную сочетаемость с именами существительными: сочетаются только с названиями лиц мужского пола (двое мужей), с названиями детенышей (трое котят) и со словами множественности (трое суток, двое ножниц), а также с названиями парных предметов (двое носков, трое чулок).

На занятиях по русскому языку как иностранному изучение данного разряда числительных требует особого внимания и отработки навыков с помощью практических заданий. Материал, который не соотносится с аналогичным явлением в родном языке студентов, рассматривается не в сопоставлении, а как особый факт изучаемого языка. Порядковые числительные, в своей совокупности отражая счетную порядковую систему, каждым отдельным словом обозначают количественный признак предмета по его месту в этой системе при счете однотипных предметов. Числительные этого разряда не имеют значения отвлеченного числа, поэтому они не используются при вычислениях. Они, в отличие от количественных, имеют только значение количественной характеристики предмета по его месту в ряду считаемых предметов. Порядковые числительные в научной и учебной литературе нередко относят к группе относительных прилагательных. Действительно, у слов типа второй, тридцатый есть сходство с относительными прилагательными: они имеют окончание – ой или – ый, изменяются по родам и числам, склоняются как прилагательные и обозначают признак предмета по порядковому номеру при счете. Но в то же время порядковые числительные имеют ряд признаков, которые отличают их от прилагательных. Они могут, наряду с количественными, входить в состав составных числительных, образуя составные порядковые числительные, имеющие свою особенность в склонении (у них изменяется только последнее слово). Вместе с количественными они входят в состав дробных числительных. Специфической особенностью русских порядковых числительных является наличие у них категории числа. Взятое вне текста, порядковое числительное свободно образует формы единственного и множественного числа: пятый – пяты́е. Однако в отличие от прилагательных оно во множественном числе свободно употребляться не может: нельзя сказать «пяты́е студенты», «сорок вторые дни», «пятидесяты́е рубли» и так далее. Порядковые числительные в форме множественного числа имеют ограничения в употреблении. Они употребляются: 1) в сочетании с существительными множественности: восьмы́е сутки, пяты́е ворота; 2) в составе дробных числительных: две пяты́х, три десяты́х; 3) для обозначения десятилетий: двадцаты́е годы, восьмидесяты́е годы; 4) в сочетаниях типа десяты́е классы (Десяты́е классы сдали экзамены), трети́е этажи (Трети́е этажи имеют балконы) – в значении неопределенного количества (все десяты́е классы, все трети́е этажи – но, сколько этих классов и этажей, не известно). В таком же неопределенном значении они употребляются и при перечислении – одни, другие, трети́е...; 5) в сочетаниях первые блюда, второе блюда, трети́е блюда.

Главная особенность счетных в китайском языке – это то, что они не изменяются по числам, родам и падежам. Как и в других языках, числительные бывают количественными и порядковыми. Количественные числительные обозначают отвлеченные числа или количество предметов: 五 (пять), 十五 (пятнадцать), 五十 (пятьдесят), 一个人 (один человек), 六个月 (шесть месяцев), 二十年 (двадцать лет). В китайском языке оперировать количественными числительными сложнее, чем порядковыми, для связи с исчисляемым словом есть такое явление как счетные слова. Если его не вставить, числительное получится не количественным, а порядковым. В русском языке подобные слова встречаются в таких сочетаниях, как один рулон бумаги, десять буханок хлеба, однако чаще всего они не нужны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Ляо-и (Ван Ли). Основы китайской грамматики / Пер. с кит. Г.Н. Райской под ред. А.А. Драгунова и Чжоу Сун-юаня. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – 270 С.
2. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. – Ч. 1: Части речи / А.А. Драгунов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 – 48 с.
3. Учебный справочник китайских счетных слов. (Китайские счетные слова без слез). Чу Пэйжу, Цзинь Найлу. – Пекин. Издательство пекинского университета. 2002. (汉语量词学习手册. 褚佩如. 金乃逯. - 北京. 北京大学出版社. 2002年. – 198页.).
4. 新华字典. 北京, 1975 年, 800页. (Синьхуа словарь. Пекин, 1975).

Материал поступил в редакцию 30.04.20

STRUCTURES AND METHODS OF WORD-COMBINATION SEMANTICS WITH COUNTER WORDS IN CHINESE, KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES

A.A. Batayeva¹, K. Toybol²

¹ Senior Lecturer, ² Master

L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan), Kazakhstan

Abstract. *This article is devoted to the study of the structure and methods of word-combination semantics with counter words in Chinese, Kazakh and Russian languages.*

Keywords: *word-combinations, word-combination semantics, Kazakh language, Chinese language, Russian language.*

УДК 1751

ТЕКСТ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

У.Н. Калякбар, магистр, преподаватель русского языка
Египетский университет исламских наук «Нур-Мубарак» (Алматы), Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается текст как высказывание, правильное построение высказывания на русском языке. Единицей общения является текст. Человек говорит одним задуманным текстом.

Ключевые слова: текст, мысль, речевое общение, формирование.

Человек занимается различными видами деятельности, осваивает их для того, чтобы жить и работать, приобретать знания и овладевать умениями, необходимость которых определяется характером социальной роли, избранной тем или иным членом общества в процессе решения жизненно важных задач.

Человеческая деятельность различна и т. п. так, совершенно очевидно, что, скажем, характер деятельности художника во многом отличается от характера деятельности врача, преподавателя, электрика, администратора и т. п. В реальной практике коммуникативная и некоммуникативная деятельность человека протекают в единстве, так как трудно себе представить процесс деятельности без речевого общения между людьми, вовлеченными в эту деятельность [2]. Однако степень и значение коммуникативной стороны во многом определяют ее характер в целом.

Речевая деятельность – это способ реализации общественно- коммуникативных потребностей человека в процессе общения. Речь при этом становится средством формирования и формулирования мысли, что определяет творческий интеллектуальный характер речевой деятельности.

Формулируя мысль, человек создает высказывание, осмысливает его на основе осознания содержательных компонентов текста, соотнесения их значения с определенным объектом действительности, с той оценкой фактов, явлений и событий, к которым он приходит.

В процессе восприятия текста человек снова формулирует мысль, выраженную автором, условно говоря, создает новый текст, свидетельствующий о том, как, в какой степени адекватно было воспринято исходное сообщение. Механизмы речевой деятельности «работают» в коре головного мозга и о том, как это происходит, исследователи узнают по косвенным признакам [3]. Тем не менее, на современном этапе развития теории речевой деятельности и таких областей знания, как психолингвистика, психология речи и др., получены данные о том, как самом общем виде происходит процесс создания и восприятия текстов.

Как и всякая деятельность, речевая деятельность осуществляется поэтапно.

I. Побудительно-мотивационный этап предполагает возникновение мотива речевой деятельности, что связано с характером общения, с особенностями речевой и коммуникативной ситуации, в котором оказался человек. В процессе деятельности возникает ситуация, которая побуждает человека высказать свою точку зрения, возразить по поводу сказанного и т. п. [4]. В ряде случаев эта ситуация неизбежно влечет к речевой деятельности: иду на урок, следовательно, буду говорить: завтра экзамен, следовательно, буду читать и т. п. В других ситуациях мотив, побуждение к деятельности могут быть не реализованы: высказать свою точку зрения можно, но в данном случае лучше воздержаться.

Таким образом, на этапе мотив речевой деятельности осознается, и, если человек решил включиться в нее, формируется коммуникативное намерение участника общения, которое представляет собой единство мотива и цели речевого действия.

II Ориентировочный этап является, пожалуй, одним из важнейших в процессе порождения высказывания. На этом этапе происходит обдумывание, планирование, выбор класса речевого поведения, формирование первоначального представления о жанре и стиле высказывания [1]. Другими словами, человек выбирает способ решения сформулированной на предыдущем этапе коммуникативной задачи, способ реализации коммуникативного намерения: попросить? – потребовать? убедить? В необходимости чего-либо? – выклянчить? читать – прочитать все внимательно – прочитать бегло – прочитать и найти ответ на определенный вопрос – прочитать, чтобы найти ошибку – прочитать, чтобы понять, где вы ошибся, когда объяснил и т. п.

III Исполнительский этап речевой деятельности завершает многомерный, многоаспектный процесс создания или восприятия высказывания. Происходит озвучивание замысленного текста: кодирование его звуками знаками о говорение, или произносим или записываем обдуманное высказывание

IV На этом этапе контроля необходимо ответить на вопрос: «Достигнута ли цель, поставленная на начальной стадии речевой деятельности?» Если хотел рассмешить, то рассмеялись ли собеседники? Если хотел понять суть какого-либо явления, описанного в учебнике, то понял ли?

В данном случае важно проанализировать как коммуникативные удачи, так и коммуникативные неудачи, которые привели к неадекватности понимания слушателями или читателями созданного автором высказывания или к непониманию читающим или слушающим чьего-либо сообщения.

Таким образом, речевая деятельность реализуется посредством сложных умственных действий, суть которых заключаются в том, что человек оперирует не реальными предметами, а использует особые речемыслительные модели позволяющие осознано управлять процессом создания и восприятия речевых высказываний.

V. Устное – письменное общение

Эти виды общения соответствует двум основным каналам общения: устно- слуховому и письменно – зрительному и аналогичным формам речи: устной и письменной.

Специфика устного и письменного общения определяется двумя основными группами причин:

1. Особенности ситуаций устного и письменного общения.
2. Особенности, определяемыми формой речи.

Ситуации, которые требуют устного общения, обычно характеризуются тем, что между участниками общения возможен личный контакт: (слуховой), т. е. партнеры и видят, и слышат друг друга, или акустический, когда люди друг друга только слышат, например, по телефону или в лесу, в поле, в тумане, в разных комнатах и т. д. Если же такой личный контакт невозможен или по каким – то причинам нецелесообразен, то обычно прибегают к письменной форме речи (письму, записке, телеграмме, электронному сообщению, SMS-сообщению и т.п.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войскунский А.Е. Очерки о человеческом общении / А.Е. Войскунский. 1990.
2. Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования / И.П. Гальперин. – Москва, 1981.
3. Лотман Ю.М. Человек-Текст / Ю.М. Лотман. – Москва, 1999.
4. Майданова Л.М. Человек-Текст / Л.М. Майданова. – Екатеринбург, 1994.

Материал поступил в редакцию 01.05.20

TEXT IN SPEECH ACTIVITY

U.N. Kalyakbar, Master, Lecturer of Russian Language
Egyptian University of the Islamic Culture Nur-Mubarak (Almaty), Kazakhstan

Abstract. *The article considers the text as a statement, the correct construction of the statement in Russian. The unit of communication is text. A person speaks in one intended text.*

Keywords: *text, thought, speech communication, formation.*

УДК 81.38

СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО СТИЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т.А. Кашкан, старший преподаватель
Белорусский государственный университет (Минск), Беларусь

Аннотация. В докладе освещается понятие и суть научного стиля английского языка. Анализируется каждая характеристика как устного, так и письменного научного стиля данного языка.

Ключевые слова: научный стиль, объективность, информативность, формальность, логичность.

Существует пять стилей языка: разговорный, публицистический, литературно-художественный, официально-деловой и научный. Целью научного стиля является обобщение и передача информации, а также доказательство ее правдивости.

Английский язык является международным языком науки. По мере развития науки, увеличивается и количество научных конференций, круглых столов, симпозиумов, необходимости научных публикаций, диссертаций, учебных пособий, докладов и выступлений, а значит и важности владения как устным, так и письменным научным английским языком.

Научному стилю английского языка присуще логичность, ясность, формальность, объективность и информативность.

Для логического изложения материала характерны предложения с такими конструкциями, как причастный и деепричастный обороты: This function, whose graph is a line, appears to be classified as a linear function [2, с. 63]; вводные слова и словосочетания: after all, however, although, nevertheless, according to, thus.

Научный текст должен быть логичен, с четкой структурой и последовательностью изложения.

Для данного стиля характерна объективность, которая, в основном, выражается безличными предложениями: It should be noted that, It can be said that, one must, one can и т.д., либо пассивным залогом: Data is transferred constantly between the processor and memory along the system bus [3, с. 16]. Таким образом, внимание акцентируется не на самого автора, а на его мнение и научное исследование.

Под информативностью понимается наличие большого количества научных терминов. По мнению М.М. Глушко, «термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [4]. Термины употребляются. Это можно проследить на примере англоязычного текста компьютерной тематики: “One of the new stand most popular services available on the Internet is the World Wide Web (WWW) which is often simply referred to as the Web. The Web contains interlinked documents called webpages. A set of related webpages stored together on a server computer is called a website. Websites, such as Dogpile and Askjeeves, give the user access to special programs called search engines that are designed to allow the user to find relevant webpages on the Web. An Internet system designed to provide free, interactive access to vast resources for people all over the world is sometimes referred to as an information super-highway” [3, с. 6].

Вотличие от художественного текста формальность научного текста выражается в отсутствии употребления сокращений: aren't, hasn't, ad, info и т.д.; личных местоимений: I, we; разговорных выражений: sort of, that thing, kind of, stuff и т.д.; идиом: to be showed under,

at all costs т.д. И проявляется она в наличии нейтральной лексики: advantages and disadvantages, classify, characteristic, appear и т.д.; грамматики: There are special signs to indicate operations with numbers [1, с. 53], а также пассивного залога: The remainder found by this subtraction is used as the dividend and the process is repeated [1, с. 95].

Суммируя все вышеизложенное, стоит отметить, что знание данных характеристик научного стиля английского языка позволяет всем ученым быть конкурентоспособными в мире науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бизюк, Л.К. Английский для будущих математиков = English for Future Mathematicians: учеб.-метод. пособие / Л.К. Бизюк и др. – 206 с.
2. Бизюк, Л.К. Изучаем высшую математику на английском языке = Learn Higher Mathematics in English: пособие / сост.: Л.К. Бизюк и др. – 86 с.
3. Бизюк, Л.К. Компьютерные технологии = Computer technologies: учеб.-метод. пособие для студентов I-II курсов / Л.К. Бизюк и др. – 91 с.
4. Глушко, М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М.М. Глушко и др. – М., 1974. – С. 33.

Материал поступил в редакцию 30.04.20

THE SPECIFICS OF THE SCIENTIFIC STYLE IN ENGLISH LANGUAGE

T.A. Kashkan, Senior Lecturer
Belarusian State University (Minsk), Belarus

Abstract. *The report highlights the concept and essence of the scientific style of the English language. Each characteristic of both oral and written scientific style of the given language is analyzed.*

Keywords: *scientific style, objectivity, informativeness, formality, logic.*

УДК 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Л.А. Мотайло, старший преподаватель кафедры историко-правовых
и социально-экономических дисциплин
Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского
Государственного Университета Юстиции (Хабаровск), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена формированию умений межкультурного общения на иностранном языке и важным аспектам получения языковых знаний с целью применения их на практике иноязычного общения. Умения межкультурного и языкового взаимодействия ярко демонстрируются в публичных выступлениях, которые являются основой коммуникации в сфере исследовательской деятельности.*

***Ключевые слова:** Межкультурная коммуникация, диалог культур, языковое взаимодействие, публичное выступление.*

В современном обществе при обучении иностранному языку следует обращать особое внимание на развитие навыков межкультурного общения. Межкультурная коммуникация подразумевает не только хорошее владение иностранным языком, но и правильное понимание национальной культуры страны изучаемого языка. Коммуникация предполагает наличие, прежде всего, умения общаться, слушать собеседника, вступать в общение и поддерживать его. Процесс формирования таких умений сложный и требует немалых усилий как со стороны преподавателя, так и студента. Коммуникативно-ориентированное обучение предполагает творческое применение языкового материала в различных ситуациях общения, диалогах, дискуссиях, ролевых и деловых играх, дебатах, проектах и т. п.

На занятиях по иностранному языку условия коммуникации создаются при помощи коллективной, парной и групповой форм работы. В этих ситуациях общения студенты учатся высказывать свою точку зрения, свое мнение на обсуждаемые темы, правильно вести беседу, строить публичные выступления. Эффективность этой работы зависит от личных характеристик студентов, уровня знаний, правил этикета при общении в разных ситуациях.

С помощью Интернета студенты имеют возможность общаться с носителями языка как в своей стране, так и в стране изучаемого языка. Создаваемая таким образом естественная языковая среда создает ситуацию прямого общения с представителями другой языковой культуры. Формирование навыков межкультурной компетенции у студентов должно проходить на всех стадиях обучения иностранному языку и во всех сферах общения. Тогда студент осознает не только важность получения языковых знаний, но и необходимость их применения на практике. Поэтому, современными принципами обучения иностранному языку выступают следующие:

- обучение иностранному языку в контексте диалога культур;
- иноязычное коммуникативное развитие студентов во взаимосвязи с эмоционально-эстетическим развитием;
- опора на иноязычные аутентичные материалы;
- взаимосвязь всех видов речевой деятельности при обучении иностранному языку;
- учет профессионально ориентированных потребностей обучаемых в межкультурном общении;

- интенсификация иноязычного общения;
- развитие навыков самообразования при изучении иностранного языка.

Формированию умений межкультурного и языкового взаимодействия способствуют такие формы организации деятельности как деловая беседа, переговоры, интервью, телефонный разговор, проблемные ситуации, творческие работы, исследовательские проекты. Подготовка публичных выступлений на иностранном языке – очень сложная и ответственная форма работы, требующая знаний и умений в построении докладов, выступлений, презентаций. Публичные выступления служат каналом коммуникации для вхождения в исследовательскую деятельность. Навыки публичной речи очень полезны во многих сферах работы и жизни. Способность выступить перед аудиторией, дать хорошую презентацию – важная компетенция для саморазвития. Каждое публичное выступление и презентация должны иметь четко выстроенную структуру. После слов приветствия, можно поблагодарить присутствующих, используя фразу, такую как: «First of all, let me thank you all for coming here today». Затем представиться и обозначить тему: «What I'd like to present to you is.../The subject of my presentation is...».

Как официальная, так и неофициальная презентация состоит из трех частей, при разделении на которые следует придерживаться простой формулы:

1. Вступление. Introduction = Tell the audience what you are going to say!
2. Основная часть. Main part = Say it!
3. Заключение. Conclusion = Tell them what you said!

Построению вступительной части речи придается большое внимание. В ней не только нужно представиться, но и раскрыть, о чем будет выступление и какова его структура. Для этого можно использовать некоторые выражения – клише, придающие четкость поставленным целям: «I'll focus on three major issues. /I'll start off by explaining.../Then/Next/After that/Finally, I'll offer some solutions.» И, конечно же, для поддержания внимания публики, не обойтись без вопросов. Поэтому нужно не забывать грамматические конструкции построения вопросительных предложений с разными временными формами глаголов. Вопросы могут касаться организационных моментов, раздаточного материала, брошюр, самого доклада. После окончания доклада, необходимо оставить время на вопросы и обсуждение. Это также предусмотрено и этикетными правилами публичной речи. Об этом лучше сказать во вступлении – «There will be time for questions after my presentation». Тем самым указывая на организованность своего выступления.

Говорить перед большой аудиторией всегда сложно. Умение представить свои сообщения держится на нескольких простых и логичных истинах.

Во-первых, необходимо составить и оформить грамматически правильно речь. Проанализируйте, что Вы хотите сказать слушателям и сформулируйте четкую идею. Во-вторых, нужно разработать визуальные средства для презентации. Один слайд должен описывать только одну идею. Если Вы используете таблицы, сделайте их максимально доступными и ясными.

Полезно подготовить раздаточный материал. В-третьих, хорошо подготовиться к выступлению. Текст выступления стараться использовать только как опору для лаконичной, последовательной, эмоциональной речи, установив визуальный контакт со слушателями. Если задаться целью стать хорошим спикером и начать работу над собой, то результат не заставит себя долго ждать, главное – практиковаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азизова, С.М. Метод круглого стола в процессе обучения иностранному языку в вузе / С.М. Азизова // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 4 (32) – С. 7–11.
2. Девятова, С.А. Современная филология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.) / С.А. Девятова. – Самара: АСГАРД, 2017. – С. 53–55.
3. Кузнецова, Е.П. Роль грамматических навыков в системе формирования иноязычной

коммуникативной компетенции / Современная филология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.) / Е.П. Кузнецова, С.А. Девятова. – Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2017. – С. 53–54.

4. Троянская, С.Л. Основы компетентностного подхода в высшем образовании: учебное пособие. / С.Л. Троянская. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 20–24.

5. Черкашина, Т.Т. Язык деловых межкультурных коммуникаций: учебник / Т.Т. Черкашина. – Москва: ИНФРА-М, 2017. – С. 7–12.

6. Чиророва, И.И. Английский язык для юристов: учебник и практикум для академического бакалавриата. / И.И. Чиророва. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – С. 270–272.

Материал поступил в редакцию 30.04.20

FORMATION OF INTERCULTURAL AND LANGUAGE INTERACTION SKILLS IN PREPARING OF PUBLIC SPEECHES IN A FOREIGN LANGUAGE

L.A. Motailo, Senior Lecturer at the Department of Historical,
Legal and Social-Economic Disciplines

Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Khabarovsk). Russia

***Abstract.** The article is devoted to the formation of intercultural communication skills in a foreign language and important aspects of obtaining language knowledge in order to apply them in practice of foreign language communication. The skills of intercultural and language interaction are clearly demonstrated in public speeches, which are the basis of communication in the field of research activity.*

***Keywords:** intercultural communication, dialogue of cultures, language interaction, public speech.*

УДК 1751

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕСТА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ 1989 Г. В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НА КНИЖНОМ РЫНКЕ*

М. Лизонь, старший преподаватель, доктор философии
Философский факультет
Университет им. Матей Бела в Банской Быстрице (Банска Быстрица), Словакия

***Аннотация.** Процессы демократизации, которые в Чехословакии (Словакии) начались после 1989 г., в значительной степени повлияли также на восприятие и позицию русской художественной литературы. В 1990-х гг. русская литература явно маргинализуется, находится вне внимания, проходящего трансформацией книжного рынка, постепенно исчезает из учебных программ по литературе. Данные процессы в статье, согласно конструктивистской теории Зигфрида Шмидта, рассматриваются как специфические формы литературных действий. Образ литературы в двух названных сферах поэтому воспринимается как результат взаимодействий социальной реальности (ее модификаций – системы образования и книжного рынка) и символической системы литература, а также как результат властных отношений внутри литературного поля (Пьер Бурдьё). Сопоставление разных способов обращения с литературой в названных двух сферах выявляет некоторые общие механизмы, но указывает также на роль специфических, доминирующих в этих сферах факторов.*

***Ключевые слова:** издательство, книжный рынок, образование, перевод, русская художественная литература, словацкий язык и литература.*

Данная работа рассматривает две разные формы функционирования русской художественной литературы в Словакии после 1989 г., то есть, в период, связанный с широким спектром существенных изменений, которые коснулись также отношения к русской культуре (к литературе в том числе). Художественная литература в тексте понимается как специфическая, относительно автономная социальная (символическая) система¹, существование которой определяется самой системой (ее структурой, агентами этой системы, «правилами игры» [2] и пр.), а также внешними факторами – социальной реальностью, представленной чаще всего ее политическими и экономическими интересами. Целью исследования является выявление основных факторов формирования места и модели русской литературы в двух разных социальных системах – в системе образования и на книжном рынке в Словакии.

В сфере образования анализ проводится на основе образовательных стандартов, зафиксированных в образовательных программах для гимназий (среднего полного основного образования) 1986, 1997, 2009 и 2015 гг.; функционирование русской литературы на книжном рынке проводится на основе базы данных Государственной научной библиотеки в Банской Быстрице, и базы крупнейшего словацкого интернет книжного магазина martinus.sk.

Русская литературы на словацком книжном рынке

До 1989 года на книжном рынке очевидно предпочтение русской литературы другим произведениям и авторам мировой литературы. Эта привилегированная позиция русской литературы была несомненно связана с политической ориентацией Чехословакии и трансфером этой ориентации в сферу культуры. «...в области перевода русской литературы возникает исключительное явление, которое в практике издательств по отношению к мировой литературе никогда раньше не встречалось. Переводы русской литературы, которые в сравнении с другими произведениями мировой литературы публикуются в значительно большем количестве, а также их тираж существенно превышал переводы с других языков, издавались некоторыми важнейшими словацкими издательствами в особых, специально ориентированных сериях». [5, с. 91] (перевод автора) К ним принадлежали серии *Sovietska tvorba*, *Spisy Maxima Gorkého* существующие в рамках издательства *Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry*, издательство *Slovenský vydavateľ* формирует серии *Sovietska novela*, *Súčasná sovietska próza*, издательство *Pravda* создает серию *Krásna próza sovietska*, *Sovietska beletria* и издательство *Tatran* переводы русской литературы издает в серии *Pamír*. Государством формируемое, управляемое и контролируемое литературное поле, в котором доминирующее место занимала русская литература, после 1989 г. постепенно распадается. Заменяет его книжный рынок, функционирующий в условиях рыночной экономики, но тем не менее, как доказывает смена ориентации издательств в отношении к мировой литературе, в определенной степени отражающий политические пертурбации. Формирующийся после 1989 г. книжный рынок более плюралистичный, однако, в нем, как и в других сферах, заметна смена культурной парадигмы – переход из относительно закрытого культурного пространства к открытому культурному рынку, с которым связана также вестернизация культуры – предпочтение западной культуры и явное вытеснение культуры русской.

С названными процессами тесно связано постепенное исчезновение с книжного рынка издательств, до того существенным образом влияющих на формирование модели русской литературы в Словакии. По данным Государственной научной библиотеки в Банской Быстрице последние книжные публикации русской художественной литературы в издательствах *Obzor* и *Pravda* зафиксированы в 1990 г., в издательстве *Tatran* в 1992 г. и в издательстве *Práca* в 1994 г. В зарождающемся в начале 1990-х гг. книжном рынке, функционирующем в условиях рыночной экономики, исчезновение этих игроков вело непосредственно к существенному сокращению изданий произведений русской литературы. По мнению Катарины Беднаровой «важнейшей проблемой в этой области был распад сети дистрибьюторов и неспособность заменить ее новыми дистрибьюторами» [1, с. 57] (перевод автора). Если до 1989 г. число изданий колебалось от 30 до 50 (напр. в 1980 г. 43 публикации, в 1989 г., в год так называемой Бархатной революции, 35 публикаций), в течение 1990-х (за исключением 1990 года, в котором число публикаций (30) указывает на некоторую инерцию издательств, составленный до политических изменений план публикаций), число книжных изданий меньше десяти в год². В итоге в период с 1990 по 1999 год было издано всего 70 книжных публикаций произведений русской художественной литературы.

Новые издательства, которые по сегодняшний день в значительной степени определяют характер книжного рынка, начинают издавать произведения русской художественной литературы, в основном с конца XX – начала XXI века (*Vydavateľstvo spolku slovenských spisovateľov* с 1999 г., *Ikar* с 2001 г., *Slovart* с 2001 г., *Európa* с 2002 г., *Petrus* с 2002 г., *Kalligram* с 2005 г., *Petit Press* с 2005 г.).

Число публикаций, а также выбор конкретных произведений русской художественной литературы в отдельных издательствах указывает на определенные интенции. Заметное место, которое выделяется русской классической литературе, свидетельствует об ориентации на творчество известных авторов, временем проверенных, канонизированных текстов. Этот факт указывает на двойную экономическую логику литературного поля, которая очень наглядно проявляется в функционировании издательств. Как утверждает Пьер Бурдьё «Художественное и литературное поле является местом встречи двух антагонистичных форм

производства и обмена, так как подвергается совершенно противоположным закономерностям. Первым из них является антиэкономическая экономика чистого искусства: основана на обязательно принятой бескорыстности и отрицает „экономику“ и „экономический“ (краткосрочный) капитал. <...> Производство признает только спрос, образованный самым производством, и направлена к накоплению символического капитала. Символический капитал понимается как непринятый „экономический“ капитал, но притом воспринимается и легализуется как настоящий кредит, который при определенных условиях, в долгосрочной перспективе, может принести реальный „экономический“ капитал. С другой стороны, вступают в силу законы „экономики“ литературного и художественного производства, который с произведениями искусства работает как с любым другим товаром. Предпочтение отдается продаже и дистрибуции, а также непосредственному, ограниченному по времени успеху, который измеряется, например, тиражом». [3, с. 191] (перевод автора)

Выбор первой или второй стратегии, то есть ориентацию на краткосрочный или долгосрочный успех, можно проследить у любого из названных раньше издательств.

Издательством Eupóra представлена классическая русская литература XIX века, литература начала XX века, а также выбор произведений первой половины XX века. Среди этих изданий заметное место принадлежит произведениям раньше неиздаваемым, или же изданным в сокращенном, как правило из-за вмешательства цензуры, варианте.

Русская художественная литература в издательстве Slovart представлена произведениями XIX и XX веков, но издается им также литература перелома XX – XXI вв., а также актуальное творчество русских писателей.

Издательство Ikar, которое, согласно их издательской стратегии, прислушивается желаниями читательской публики, публикует в первую очередь произведения классической литературы, но издает также произведения фэнтези, произведения рубежа XIX и XX вв., русского андеграунда и современной русской литературы.

Издательством Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov представлен обзор русской литературы в ее историческом развитии. Так, как и при других, и в планах этого издательства нет произведений социалистического реализма.

Более пятью публикациями на книжном рынке представлены издательства Kalligram (ориентированное почти исключительно на произведения современной русской литературы, с доминирующим в ее рамках творчеством Владимира Сорокина), Marenčin PT (раньше неиздаваемые произведения русской литературы и современная русская литература), Petit Press (русская литература XIX века), Premedia (творчество В. Шаламова, А. Солженицына, А. Рахмановой и Д. Рубиной).

Как оказывается, варьирование между двумя полюсами обеспечивает относительно стабильное место на книжном рынке, наоборот, узкая ориентация на долгосрочный успех, то есть, предпочтение символического капитала экономическому является довольно рискованной практикой. Примером тому может служить издательство Kalligram, которое, по словам его директора Ласло Сигети, «предпочитает издания лучших произведений из области социальных наук и художественной литературы, ориентированных в первую очередь на требовательного читателя, причем старается пропорционально представить актуальные тенденции в отдельных научных сферах и заполнить пробелы в классическом гуманитарном образовании». [13] (перевод автора) Издательство, которое с конца 2015 г. встречалось с экономическими проблемами, с 2018 г. перешло под издательство Absynt и ныне выступает под названием Absynt-Kalligram.

С 1989 г. на словацком книжном рынке функционировало примерно 50 издателей, многие из которых число произведений русской литературы пополнили всего одной публикацией. Этот факт, как и число изданий русской художественной литературы в целом, говорит об относительной стабильности книжного рынка, но также, а может еще в большей степени, о выборе стратегии издателя, включающего произведения русской литературы лишь ограниченном количестве³.

В период с 1990 г. по 2019 г. было издано 348 книжных публикаций, с 2000 г. по 2019 г. – 276⁴.

Несмотря на факт, что с начала XXI века число изданий произведений русской литературы возросло, по сравнению с ситуацией до 1989 года, их примерно на 65% меньше. Следует отметить, что данная ситуация, связана не только с интенциями издательств, но в значительной степени зависит также от потенциала переводчиков. Новые переводы русской литературы появляются на словацком книжном рынке благодаря усилению небольшого числа переводчиков (Ян Штрассер, Валерий Купко, Ивана Купкова или Милан Ферко). Молодых переводчиков мало и качество их переводов нередко сомнительное.

Русская литература в системе образования

В государством организуемой и контролируемой системе образования занимала до 1989 г. русская литература видное место, что можно объяснить не только политической ориентацией Чехословакии в период с 1948 г. по 1989 г., а также историческим развитием взаимоотношений словацкой и русской культуры.

Согласно последней до Бархатной революции Образовательной программе (ОП) Словацкий язык и литература (1986 г.) целью литературного образования является «формирование всесторонне образованной и гармонически развитой личности, готовой принимать активное участие при строительстве и защите развитого социалистического общества» [11, с. 50] (перевод автора), но также «воспитание умения эстетического восприятия действительности». [11, с. 50] (перевод автора) Важное место в ОП уделяется познавательной функции литературного образования, которая в программе определяется как важная составляющая формирования отношений к ценностям художественной литературы. В плане содержания речь идет о «знании основных произведений и отрывков произведений словацкой и чешской литературы, литературы социалистических стран и прогрессивной мировой литературы». [11, с. 51] (перевод автора) Выбор произведений мировой литературы, однако, лишь частично соответствует этой формулировке. Зарубежная литература в ОП представлена относительно пропорционально, без заметного предпочтения русской литературы.

В хронологически построенном обзоре мировой литературы русская литература представлена произведениями 11 авторов:

Литература предромантизма и романтизма

А. С. Пушкин

М. Ю. Лермонтов

Литература реализма

Н. В. Гоголь

Л. Н. Толстой

Ф. М. Достоевский

Литература модерна

А. Блок

Литература межвоенного периода

М. Горький

В. Маяковский

М. Шолохов

Литература эпохи строительства коммунизма

А. Фадеев «Молодая гвардия»

А. Твардовский «За далью даль»

В Образовательной программе (ОП) Словацкий язык и литература 1997 значение литературы как учебного предмета характеризуется следующим образом: «Литература, как составляющая предмета словацкий язык и литература принадлежит к ключевым предметам четырехлетнего обучения в гимназии. В значительной степени содействует при всестороннем

развитии личности учащегося, и поэтому является обязательной на всех этапах образования в гимназии. Общей целью литературного образования (то есть обучения и воспитания – прим. автора) является формирование целостной, внутренне богатой личности учащегося, отличающейся индивидуальностью, осознанием самого себя». [12, с. 14] (перевод автора)

Целью литературы в системе среднего полного образования, помимо прочего, должно быть «освоение основных литературоведческих понятий и ознакомление посредством самых значимых произведений словацких авторов с хронологией развития искусства и художественной литературы и контекстом этого развития в мире». [12, с. 16] (перевод автора) То есть, ООП 1997 года представляет собой модификацию (прежде всего в плане содержания – включения конкретных литературных произведений) традиционного литературного образования, построенного на четком представлении об историческом развитии литературы в контексте мировой культуры. Как утверждают авторы ООП 1997 года, «Современная версия ООП по литературе является основательной переделкой действующей в прошлом ООП, но их концепция одинаковая. Она традиционная, хронологическая, имеющая универсальный характер и поэтому позволяющая оба принятых в нашем образовании подхода – обучающий и воспитательный. Цели образования, однако, однозначно предпочитают более прогрессивную, то есть воспитательную, ориентированную на интерпретацию модель преподавания литературы». [12, с. 28] (перевод автора)

Русская литература в ООП 1997 года в рамках определенных тематических округов представлена 20 авторами, однако включение их творчества в образовательный процесс обязательно. «Несмотря на факт, что тематические округа в ООП обязательные, в компетенции учителя остается выбор авторов и произведений, форма их презентации, а также график работы с отдельными произведениями, которые имеют в ООП только ориентировочный характер». [12, с. 17] (перевод автора)

Романтическая литература

А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов

Литература реализма

Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров

Литература модерна

А. Блок, С. Есенин, А. П. Чехов, А. И. Куприн

Литература авангарда

В. Хлебников

Авангард в прозе

И. Бунин, Л. Н. Андреев, И. Е. Бабель

XX век – традиционная проза

М. Шолохов, М. Горький

Военная проза и проза против тоталитаризма

А. И. Солженицын, Б. Пастернак

Послевоенная поэзия – А) философская поэзия – В. Высоцкий

Б) Герменевтическая и имажинативная лирика – А. Вознесенский

Государственная образовательная программа Словацкий язык и литература 2009 г. возникает в совершенно новых условиях и реагирует на довольно широкий спектр явлений, среди которых надо выделить подписание Словакией Болонской декларации и итоги тестирования ПИСА, то есть спектр тех явлений, которых общим знаменателем является влияние политики неолиберализма на систему образования, осуществляемое посредством Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).[4] Как доказывают основные положения новой программы⁵, литературное образование ориентировано в первую очередь на формирование определенных компетенций, то есть цели подвергаются давлению технократического общества, которое, по мнению Конрада Лиссманна, своей целью ставит подготовку рабочих кадров и, в итоге, призвано обеспечивать экономический рост [6].

Несмотря на коренные изменения в концепции образовательной программы 2009 г.

(переход от исторической модели к тематической), список авторов и произведений принципиально не меняется. Русская литература в новой программе представлена довольно традиционно, хотя по сравнению с программой 1997 г., список представленных авторов сокращен до 18 авторов. В новой программе отсутствуют Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, А.И. Куприн, Л. Андреев, А. Блок, И. Бабель, М. Шолохов, Б. Пастернак, В. Высоцкий и А. Вознесенский, наоборот, реестр авторов пополнен произведениями, Г.Р. Державина, И.С. Тургенева, И. Бунина, Виктора Некрасова, В. Тендрякова, В. Липатова, В. Набокова и В. Астафьева. Обязательным произведением является только «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, все остальные произведения рекомендуемые.

Содержание предмета разделено до 28 тематических частей, из которых русская литература представлена в 17:

- 1) Лирическая поэзия и метрика – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов (рекомендуемые авторы)
- 2) Краткая эпическая проза – Л.Н. Толстой «Казачьи» (рекомендуемое произведение)
- 3) Эпическая поэзия – А.С. Пушкин «Евгений Онегин», С. Есенин «Анна Снегина» (рекомендуемые авторы)
- 4) Эпика (роман) – А.С. Пушкин «Капитанская дочка» (обязательное)
- 5) Лирическая поэзия – стилизация – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов (рекомендуемые авторы)
- 6) Драма – А.С. Пушкин «Борис Годунов» (рекомендуемое)
- 7) Краткая эпическая проза – внутренний монолог – А.П. Чехов «Дом с мезанином» (рекомендуемое)
- 8) Лирическая поэзия – виды лирики – С. Есенин (рекомендуемое)
- 9) Эпика – типы романа – Л.Н. Толстой «Война и мир», «Анна Каренина», Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (рекомендуемое)
- 10) Эпическая проза – линейная композиция – М. Горький «Макар Чудра» (рекомендуемое)
- 11) Драма – трагедия – А.С. Пушкин «Борис Годунов» (рекомендуемое)
- 12) Лирическая поэзия – чистая лирика – С. Есенин (рекомендуемое)
- 13) Лирическая поэзия – автоматический текст – В. Хлебников (рекомендуемое)
- 14) Эпическая проза – ретроспекция – А.И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича» (рекомендуемые)
- 15) Современная эпическая проза – постмодерн – В. Набоков «Смех в темноте» (рекомендуемое)
- 16) Современная эпическая проза – детектив – В. Астафьев «Печальный детектив» (рекомендуемое).

Цель Государственной образовательной программы. Словацкий язык и литература 2015 сформулирована как «постоянное непрерывное развитие умений чтения и интерпретации учащихся ориентированное на специфические формы познания реальности, понимание межчеловеческих отношений и развитие эстетических чувств у учащихся. Основным принципом конструирования содержания предмета является развитие чтения как средства всестороннего освоения художественного текста. Внимание уделяется постепенному развитию читателя, начиная с способности анализа семантики художественного текста (аналитическое чтение), понимания знаковой структуры текста, вплоть до умений работать со значением текста – умение синтеза, интерпретации, многосторонней (синтетическое чтение)». [8] (перевод автора)

В отличие от всех предыдущих программ, Государственная образовательная программа Словацкий язык и литература 2015, которой образовательный стандарт конструируется на основе целевых компетенций, не предлагает рекомендуемых авторов и их произведения. Мировая литература в ней представлена шестью произведениями, из которых русская литература, как и в программе 2009 г., презентуется всего лишь «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина.

Модель русской художественной литературы в системе образования формируется в первую очередь согласно государством указанным основным целям образования и целям литературного образования. В хронологическом порядке представленной мировой литературе (ОП 1997 г.) замечается схожая с ситуацией на книжном рынке интенция пересмотреть прошлое русской литературы, что связано с восстановлением запрещенных раньше авторов и их произведений и, наоборот, вытеснением с поля литературы произведений социалистического реализма. В содержании ОП 2009 и ОП 2015 заметно влияние экономических интересов на образовательную систему, которая государством понимается как важная составляющая экономического роста. Такое позиционирование образования привело также к трансформации целей, структуры и содержания литературного образования. Ориентация на формирование компетенций в итоге привело к отказу от определения литературного канона в системе образования (ОП 2015).

Книжный рынок, как система в значительной степени зависящая от читательского спроса, проходит существенной трансформацией, составной частью которой была в 1990-х гг. минимизация изданий русской художественной литературы. Появление на книжном рынке издательств, определяющих свою стратегию как попытку предложить читателю лучшие произведения мировой литературы, постепенно ведет к восстановлению места русской художественной литературы на словацком книжном рынке. Несмотря на факт, что позиция русской литературы в современной Словакии по сегодняшний день не совсем стабильная, книжный рынок сохраняет относительную пропорциональность между произведениями классической русской литературы и новой литературной продукцией. Позиция русской художественной литературы в системе образования является результатом варьирования между традиционной моделью литературного образования, пересмотром истории русской литературы и актуальными требованиями, выдвигаемыми по отношению к образованию. В отличие от флексibility книжного рынка, который относительно быстро реагирует на актуальный литературный процесс, система образования значительно консервативнее, что можно, учитывая роль образования в социальной системе, воспринимать как естественное явление, однако, указывает также на предпочтение экономических интересов реальному потенциалу литературного образования.

** Príspevok vznikol v rámci riešenia grantového projektu VEGA 1/0431/19
Model ruskej literatúry na slovenskom knižnom trhu.*

Примечания

¹ «С конца 1970-х гг. начинает как альтернатива развиваться, помимо прочего, и так называемая эмпирическая литературная наука, которая литературу воспринимает не только как текстовое явление, но как с социальной системой, в рамках которой явления, определяемые традиционно как литературные, производятся, дистрибутируются, воспринимают и обрабатывают» [7, с. 9] (перевод автора).

² 1991 – 9, 1992 – 5, 1993 – 3, 1994 – 4, 1995 – 5, 1996 – 5, 1997 – 6, 1998 – 3, 1999 – 2.

³ По данным Сообщения о книжном рынке за 2017 год с общего числа непериодических (книжных) изданий переводы русской представляют примерно 3%. [9]

⁴ 2000 – 4, 2001 – 6, 2002 – 16, 2003 – 12, 2004 – 11, 2005 – 15, 2006 – 22, 2007 – 11, 2008 – 10, 2009 – 8, 2010 – 15, 2011 – 21, 2012 – 13, 2013 – 21, 2014 – 9, 2015 – 10, 2016 – 15, 2017 – 22, 2018 – 19, 2019 – 16.

⁵ «Образовательная программа определяет систему когнитивных и читательских компетенций, систему литературоведческих терминов и набор литературных произведений и их авторов, которые в определенном отрывке времени, указанном в данной программе должны быть обязательно включены в содержание образования. <...>. Конструктивистски ориентированная образовательная программа не является небольшой, косметической коррекцией предмета, но принципиально меняет его суть. Предмет обучения ориентирован не на передачу информации о писателях и их произведениях, но построен как прогрессивная программа развития читательских умений и умений интерпретации» [10] (перевод автора).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bednárová, K. Rukoväť dejín prekladu na Slovensku II. (Situácia slovenského umeleckého prekladu v 20. storočí. / Bednárová – Bratislava: Univerzita Komenského, 2015. – 66 s.
2. Bourdieu, P. Co se chce říct mluvením: ekonomie jazykové směny. / Bourdieu – Praha: Karolinum, 2014. – 168 s.
3. Bourdieu, P. Pravidla umění. Vznik a struktura literárního pole. / Bourdieu – Praha: Host, 2010. – 496 s.
4. Kaščák, O., Pupala, B. Škola zlatých golierov. Vzdelávanie v ére neoliberalizmu. / Kaščák, Pupala – Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2012. – 208 s.
5. Kusá, M., Lesňáková, S., Maliti, E., Pašteková, S., Tesařová, J. Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. / Kusá, Lesňáková, Maliti, Pašteková, Tesařová – Bratislava: Veda, Vydavateľstvo SAV, 2017 – 264 s.
6. Liessmann, K. P. Hodina duchů. Praxe nevzdělanosti. Polemický spis. / Liessmann – Praha: Academia, 2015 – 133 s.
7. Schmidt, S. Přesahování literatury. OD literární vědy k mediální kulturní vědě. / Schmidt – Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2008. – 127 s.
8. Slovenský jazyk a literatúra: – Режим доступа: http://www.statpedu.sk/files/articles/dokumenty/inovovany-statny-vzdelavaci-program/sjl_pv_2014.pdf (дата обращения – 25.02.2020)
9. Správa o knižnom trhu 2017: – Режим доступа: https://zvks.sk/wp-content/uploads/2018/11/Knizny-trh_2017.pdf (дата обращения – 01.04.2020)
10. Štátny vzdelávací program. Slovenský jazyk a literatúra (vzdelávacia oblasť: Jazyk a komunikácia). Príloha ISCED 3A, Bratislava 2009: – Режим доступа: http://www.statpedu.sk/files/articles/dokumenty/statny-vzdelavaci-program/slovensky_jazyk_a_literatura_isced3.pdf (дата обращения – 24.03.2020)
11. Učebné osnovy gymnázia. Slovenský jazyk a literatúra 1. – 4. ročník. / Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1986, – 148 s.
12. Učebné osnovy gymnázia. Slovenský jazyk a literatúra, štvorročné štúdium. Povinný vyučovací predmet: – Режим доступа: http://olostiak.webz.cz/lucia/UO_G4.pdf (дата обращения – 18.03.2020)
13. Vydavateľstvo Kalligram: – Режим доступа: <https://www.litcentrum.sk/rozhovor/vydavatelstvo-kalligram> (дата обращения – 15.02.2020)

Материал поступил в редакцию 29.04.20

FACTORS OF TRANSFORMATION OF THE PLACE OF RUSSIAN FICTION IN SLOVAKIA AFTER 1989 IN THE FIELD OF EDUCATION AND IN THE BOOK MARKET

M. Lizon, Senior Lecturer, PhD
Faculty of Arts
Matej Bel University (Banská Bystrica), Slovakia

Abstract. *The processes of democratization that began in Czechoslovakia (Slovakia) after 1989 also significantly influenced the perception and position of Russian fiction. In the 1990s, Russian literature was clearly marginalized, out of the spotlight of the book market transformation, and gradually disappeared from the literature curriculum. These processes in the article, according to the constructivist theory of Siegfried Schmidt, are considered as specific forms of literary actions. The image of literature in these two spheres is therefore perceived as the result of the interaction of social reality (its modifications-the educational system and the book market) and the symbolic system of literature, as well as the result of power relations within the literary field (Pierre Bourdieu). A comparison of different ways of handling literature in these two areas reveals some common mechanisms, but also points to the role of specific, dominant factors in these areas.*

Keywords: *publishing house, book market, education, translation, Russian fiction, Slovak language and literature.*

УДК 82-32

УТРАТА И ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ: ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX В. В РАССКАЗЕ СЕРГЕЯ ДУРЫЛИНА «СЛАДОСТЬ АНГЕЛОВ»

С.С. Бойко, доктор филологических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет, Россия

***Аннотация.** Несколько поколений русской интеллигенции прошли через утрату христианской веры, а затем – через духовное возрождение. Этим путем прошел в первом десятилетии XX в. и С. Дурылин. В 1920 г., в пору гонений на Церковь, он принял иерейский сан, а в 1922 г. был арестован как «контрреволюционный элемент». Во время тюремного заключения создал рассказ «Сладость ангелов», опубликованный лишь в XXI в., – уникальное в литературе произведение о трагедии утраты веры и о пути ее нового обретения. В статье анализируются лейтмотивы рассказа: ‘детское богословие’ и ‘небесный хлеб’ – в историческом контексте.*

***Ключевые слова:** Сергей Дурылин, лейтмотив, трагедия утраты веры, путь обретения веры.*

Будущие русские религиозные философы: о. Сергей (Булгаков), С. Трубецкой, Е. Трубецкой, П. Струве, С. Франк – прошли в юности через период безбожия.

Для многих этот этап ознаменовался увлечением нелегальной революционной деятельностью и идеями К. Маркса. Так, С. Франк (1877-1950), «еще будучи гимназистом, принимал участие в “марксистском кружке”», в 1899 г. был арестован и выслан из университетских городов. Однако первая крупная печатная работа его – «Теория ценности Маркса и её значение» (1900) – посвящена уже критике марксизма [4, с. 157].

Н. Бердяев (1874-1948), происходивший из аристократической среды, будучи студентом, увлекся марксизмом, участвовал в деятельности противоправительственной социал-демократической организации, за что тоже был сослан в провинцию. Однако, согласно его автобиографии «Самопознание» (1949), Бердяев «стал критическим марксистом и это дало мне возможность остаться идеалистом в философии» [1, с. 125].

П. Струве (1870-1944) в период создания своей первой книги «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) был, по его словам, «решительным, хотя не правоверным марксистом». Но уже в публикациях 1901–1902 гг. он «постепенно порывает с остатками “критического позитивизма” у него, переходит решительно к защите метафизики (все еще на основе критицизма)» [4, с. 123].

Жизнь будущего отца Сергея – Сергея Николаевича Булгакова (1871-1944) – это памятник «тех духовных исканий, того возврата русской интеллигенции к Церкви, который наметился в России еще до революции 1917 г. и который с такой силой проявился в последние 30 лет» [4, с. 201], – то есть к середине XX в.

В своих «Автобиографических заметках» (1946) о. Сергей вспоминает о своем пути,

типичном для интеллигенции его эпохи:

«<...> вместе с потерей религиозной веры я естественно, как бы автоматически, усвоил господствующие в интеллигенции революционные настроения, без определенной партийности <...> со мной повторилось — в этой стадии жизни — то, что было с моими предшественниками по семинарской школе: Чернышевским, Добролюбовым и др. Я стал жертвой мрачного революционного нигилизма (хотя он всегда соединялся с любовью к искусству и литературе, меня спасавшими)» [2, с. 35].

Семинарию С. Булгаков оставил, чтобы закончить гимназию и поступить в университет — на юридический факультет, по окончании которого он был оставлен на кафедре. Однако после научной командировки в Германию (1898-1900), вопреки собственным ожиданиям, в молодом человеке «сначала робко и неуверенно, а затем все победнее стал звучать голос религиозной веры. Ее я и начал исповедовать с тех пор в своих сочинениях примерно начиная с 1901-2 года<...>» [2, с. 36].

Итак, в 1901-1906 гг. «в нем произошел второй духовный кризис (но уже в сторону религиозную). Все, что писал в это время Булгаков и что собрано в его замечательном сборнике “От марксизма к идеализму” (Петрогр. 1903), представляет собой выражение прежде всего философского перелома у Булгакова (очень близкого к тому же перелому у Бердяева <...>)» [4, с. 199].

В жизни Сергея Дурылина (1886-1954) события этой духовной эпопеи разворачивались следующим образом.

Родился он в благочестивой купеческой семье и был воспитан в православных традициях. В повести «Сударь кот» (1924), посвященной другу, художнику М.В. Нестерову, с любовью запечатлены уклад и атмосфера такого дома.

Однако «Придя в гимназию одиннадцатилетним верующим мальчиком, Серёжа бросил ее в 1904 году <...> растеряв в ней веру в Бога и вообразив себя атеистом» [5, с. 17-18]. Он «отдал дань всеобщему увлечению революционными идеями, Р. Штейнером, Ф. Ницше, М. Штирнером...» [5, с. 38].

Подростковое умонастроение начало изживать себя уже в 1905 г., сменившись пустотой и чувством безысходности: «Сергей Дурылин очень остро переживал крушение надежд на обновление России и наступление царства Разума и Справедливости. Он ведь жил и дышал этими надеждами и ожиданиями <...> И вдруг все рухнуло. Он впал в депрессию» [5, с. 22-23].

В дневниках 1919 г. он вспоминал о 1906-1909 гг. как о «годах моей гибели» [5, с. 24] — о настойчивых суицидальных помыслах и состоянии глубокой подавленности. Эта тема будет раскрыта в рассказе «Сладость ангелов» в воспоминаниях архимандрита Евфросина:

«Поняли: я не имел свидетельства о собственном своем бытии — самовар был реальнее меня. Он все-таки пел и шумел, и няня его ставила, и в нем был жар, некая его онтология. А у меня ее не было. И стреляться мне было глупо: умнее было бы в самовар выстрелить — он больше моего существовал» [3, с. 236].

По сюжету рассказа, выход из тупика был связан для героя с возвращением непосредственных религиозных переживаний. Они были знакомы ему по опыту детских чувств и наивных представлений, которые герой с радостью именуется *детским богословием*. «Детское богословие», связанное с непосредственным религиозным переживанием, становится лейтмотивом рассказа.

Людям тех поколений было к чему возвращаться: духовный опыт богообщения они имели с младенчества. При них молились, их водили в Храм, причащали. Все это способствовало глубинному духовному развитию тех, кто рос в христианских семьях.

Начальные сведения, оформляющие представление о Боге, они получали в детстве. Вот, например, как вспоминал о себе в восьмилетнем возрасте драматург Евгений Шварц (1896-1958): «Я помнил все: и библейские и евангельские истории из учебников, и бабушкины

рассказы, и рассуждения о грехах, о церкви, о рае и аде. Я знал, что грешен, но вместе с тем и надеялся избавиться от всей скверны, как только мне удастся уговорить маму свести меня на исповедь» [6, с. 76].

В 1910 году в частном письме Дурылин объявляет: «Я вернулся к вере отцов» [цит. по: 5, с. 30].

В 1917 г. Сергей Дурылин тверд в вере. Однако житейская неустроенность и «тяжелое обстояние наших дней» [цит. по: 5, с. 108] вызывают в нем душевное смятение. Как и многих других, на христианском пути его укрепляют духовный отец, оптинский старец Анатолий (Потапов) [5, с. 139], и московский иерей Алексей (Мечёв).

Наставления о. Алексия были близки духовному чаду. Добрый пастырь так говорил о трудностях духовной жизни: «Два у нас врага: “окаяшка” и “яшка” – батюшка называл так самолюбие, человеческое “я”, тотчас заявляющее о своих правах, когда его кто волей или неволей задевает и ущемляет» [7, с. 6].

По благословию духовных отцов, в 1920 г., в пору свирепых гонений на веру, Дурылин принимает рукоположение в сан иерея.

В июле 1922 г. отец Сергей Дурылин был арестован. В архиве хранятся копии двух доносов на священника Дурылина [5, с. 164]. В те годы условия заключения были еще не самыми жёсткими, и во Владимирской тюрьме Дурылин смог написать рассказы «В те дни», «Сладость ангелов» и статью «Об ангелах» [5, с. 167].

Рассказ С. Дурылина «Сладость ангелов» – особое явление в художественной литературе XX в. Здесь в полноте описаны этапы утраты православной веры у героя этого времени и путь нового ее обретения.

Утрата веры показана в рассказе вне связи с влиянием позитивизма, марксизма, революционных настроений – вообще каких-либо веяний эпохи. Дурылин делает акцент на внутренней, духовной жизни человека.

Новое обретение веры происходит через кризис безверия и возрождение живого религиозного чувства, под влиянием поста и молитвы воцерковленных близких: няни, матери, кухарки.

Тем самым писатель не рассматривает внешнюю обусловленность событий, сосредоточившись на их внутренней, смысловой, духовной составляющей. Согласно рассказу, личная ответственность человека за свое духовное развитие важнее, чем его отношение к умонастроению людей своего времени.

События рассказа сводятся к двум беседам, каждая из которых насыщена воспоминаниями. В начале рассказа, за ужином в честь престольного праздника, в многолюдном собрании, архиерей Пахомий и архимандрит Евфросин вспоминают о детских опытах приобщения к святине, которые сохраняют для них высшую ценность. Эти неуставные рассказы архиерей предлагает считать полезными для души, подобно уставному минейному чтению, которое было на сей раз опущено.

После ужина происходит вторая беседа. Оставшись вдвоем, герои углубляются в смысл своей деятельности и духовной жизни. Взаимопонимание, возникшее по ходу первой, общей беседы, позволяет им обсудить неприятные церковные слухи вокруг книги о. Евфросина и установить истину: «В вашей книге много детского богословия, вот того самого, о котором мы с вами сегодня оба некстати много говорили за ужином» [3, с. 230].

Затем герои обращаются к событиям юности, когда детская вера сменилась было у одного из них чувством пустоты и собственного небытия – «самовар был реальнее меня», – у другого – отвращением к языку и смыслу священного писания: «Тошнило меня, как неподобную силу, от всякого слова и образа божественного» [3, с. 242–243].

Обдумывая, в чем трудность духовной жизни человека, архиерей обращается к наставлению своего духовного отца, старца чистейшей жизни и высочайшего «детского богословия».

Слова старца суть пересказ наставлений о. Алексия (Мечёва). Они задают верное

направление для плодотворного самоанализа, которому посвящена вторая часть рассказа:

«Яшкой он наше “я” пресловутое называл, философствующее, богословствующее, самоутверждающееся, самочинное. “Яшка”, говорил, на последнем должен стоять месте, “я” – последняя буква в азбуке, – а у нас Яшка на первое место забрался <...> В детском богословии вовсе Яшки нет: там не Яшка, там Ангел богословствует и предлагает нам снедь “ангелов сладость”. В духовную снедь, не только в телесную» [3, с. 231].

‘Небесный хлеб’ как образ ‘ангельской сладости’, *духовной снеди* – этот лейтмотив является в каждой части рассказа, в жизни каждого из героев.

Смысл заглавия рассказа прояснен в экспозиции. Псаломщик, придя на трапезу, кается, что ошибся по ходу богослужения и, вместо положенной в этот день, спел другую молитву к Богородице: «Сладость Ангелов, скорбящих радость, христиан предстательнице, Дево Мати Господня» [3, с. 220].

Против ожидания, архиерея Пахомия он этим осчастливил, ибо тот с раннего детства особенно любил эту молитву. Псаломщик еще и «принес эту сладость сюда», подав владыке благословенные хлебцы со службы [3, с. 221]. Так сочетаются между собой два лейтмотива рассказа: благословенный, ‘небесный’ церковный хлеб сочетается с духовной радостью ‘детского богословия’.

Во второй части рассказа герои вспоминают о духовных метаниях, через которые прошли в юности. Небесный хлеб являлся тогда каждому из них в виде просфоры.

Будущему архиерею Пахомию в годы семинарии мать-дьячиха дала просфору, принесенную из паломничества, с наставлением брать с собою на экзамен, а потом скушать. Желание выполнить ее завет превозмогло в юноше возникшее искушение «изъяснить» экзаменатору насчет носоглотки кита, проглотившего Иону. «Гошноту из головы» истребило «детское дьячихино богословие».

И будущий архимандрит Евфросин, в юности растеряв себя, забрел однажды утром к монастырю, где монах-привратник попросил передать просфоры на обедню. Глядя на них, юноша вспомнил про свой детский «хлеб ангельский» и осознал, что у него, возросшего, общего с тем былым ребенком: «Да ведь это так просто! Это моя *бессмертная душа!*» [3, с. 240]. После службы счастливая няня напоминает скушать скорее хлебца ангельского.

На протяжении рассказа освященный церковный хлеб появляется во всем его разнообразии: в Храме, в паломничестве, за трапезой духовенства и дома, в виде вынутой и невынутой просфоры – вплоть до литийного хлеба из простой «серой» муки. Так создается образ изобильной благодати, которая сопутствует человеку везде, всегда укрепляет верующих, помогает даже «в неведении сущим и себе спасения не ищущим» – таким людям, каковы были оба героя в юности.

Ангельскому хлебу противопоставлено «Яшкино богословие». Появляется оно во второй части, начатой разговором пастырей наедине о богословской книге, которая, по их мнению, всегда в опасности, поскольку провоцирует самолюбивые чувства автора. В борьбе с «Яшкой» священнослужитель находит себе опору в церковном уставе – твердых правилах, которые не оставляют места самолюбию.

В первой части рассказа образ «Яшки» отсутствовал. Его оттеснили благодать ‘детского богословия’ и образ старичка-псаломщика, который в простоте кается в ошибках против устава.

Духовно зрелые герои, которых умудрил опыт трудного возвращения к вере, стремятся сознательно ограничивать действие «Яшки», ценить детское богословие, которого чурается самолюбивый враг. В финале владыка благословляет о. Евфросина на завтрашнем богослужении «проповедовать без Яшкиной цензуры» [3, с. 245].

Итак, в рассказе «Сладость ангелов» показан путь целых поколений русских мыслителей – путь возвращения к Богу. По С. Дурылину, религиозные переживания восстанавливаются у молодых людей, а равно и у пожилых священнослужителей, когда их побуждают к тому простые верующие. Это может делаться намеренно: так мать просит будущего архиерея

не принимать постриг, не помолившись прежде на могиле отца-псаломщика. А может происходить как бы случайно, когда незнакомый монах просит будущего архимандрита отнести просфоры на проскомидию.

Название «Сладость ангелов» – цитата из молитвенного обращения к Богородице – получает богословское, а также ряд наивных толкований, которые не менее значимы для героев.

Герои дают «наивное», но точное описание трудностей духовной жизни, характерных для интеллигенции конца XIX – начала XX века.

Художественная проза Сергея Дурылина оставалась под спудом на протяжении советского и постсоветского времени и пришла к читателю только в наши дни. Между тем Дурылин-прозаик отразил знаменательные этапы русской христианской жизни первых десятилетий XX в., освещенные в опубликованных за границей мемуарах и в истории философии, но мало известные широкому читателю. Поэтому художественно убедительный, психологически достоверный рассказ С. Дурылина «Сладость ангелов» особенно значим для понимания духовных исканий русской интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1949.
2. Булгаков, С. протоиерей. Автобиографические заметки / С. Булгаков. – Париж: YMCA-PRESS, 1947.
3. Дурылин, С. Тихие яблони / С. Дурылин. – М.: Издательский дом «Никея», 2016.
4. Зеньковский, В. протоиерей. История русской философии: В 2 тт. Т. II. Часть 2 / В. Зеньковский. – Л.: МП «Эго», 1991.
5. Торопова, В.Н. Сергей Дурылин: Самостояние / В.Н. Торопова. – М.: Молодая гвардия, 2014.
6. Шварц, Е. Живу беспокойно...: Из дневников / Е. Шварц. – Л.: Советский писатель, 1996.
7. Старец в миру. Святой праведный Алексей Мечёв. Житие, письма, проповеди, записи на книгах. – М.: ООО «ОБРАЗ», 2009.

Материал поступил в редакцию 30.04.20

LOSSING AND GAINING FAITH: SPIRITUAL EVOLUTION OF THE INTELLIGENTSIA OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN SERGEY DURYLIN'S STORY "THE SWEETNESS OF ANGELS"

S.S. Boyko, Doctor of Philological Sciences, Professor
Russian State University for the Humanities, Russia

Abstract. *Several generations of Russian intelligentsia went through the loss of the Christian faith, and then – through a spiritual revival. S. Durylin also passed this way in the first decade of the twentieth century. In 1920, at the time of the persecution of the Church, he became a priest, and in 1922 he was arrested as a “counter-revolutionary element”. While in prison, he created the story “The Sweetness of Angels”, published only in the XXI century – this is a unique work in literature about the tragedy of losing faith and the way to find it again. The article analyzes the leit-motives of the story ‘children's theology’ and ‘heavenly bread’ – in the historical context.*

Keywords: *Sergey Durylin, leitmotif, tragedy of losing faith, path of gaining faith.*

УДК 82-92

**«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
КАК ПРООБРАЗ ИНТЕРНЕТ-БЛОГА****Ю.А. Галзитская, магистрант**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва), Россия

***Аннотация.** В данной научной статье анализируется своеобразие жанровой концепции «Дневника Писателя» Ф.М. Достоевского. Рассмотрев особенности формы, идейной составляющей и процесса создания произведения нам удалось выявить ряд особых характеристик, позволяющих сделать предположение о том, что «Дневник Писателя» обладает жанровыми чертами интернет-блога. Данное предположение расширяет поле исследований творчества Ф.М. Достоевского и иллюстрирует новый взгляд на жанровую природу «Дневника Писателя», которая долгое время является предметом дискуссий среди литературоведов.*

***Ключевые слова:** Достоевский, «Дневник Писателя», блог, русская литература, концепт, литературоведение.*

Проследив генезис «Дневника Писателя», мы можем наблюдать набор характеристик, которые позволяют говорить об этом произведении как о прообразе современного интернет-блога. В этой статье мы постараемся обозначить эти черты провести параллели между «Дневником Писателя» и интернет-блогом.

Основу каждого выпуска «Дневника Писателя» составляет сплошной текст, в котором ключевые темы отделены друг от друга римскими цифрами. Главы располагаются в хронологическом порядке, а их названия соответствуют месяцу, в который они были изданы. Кроме того, опираясь на черновики Достоевского, мы также можем узнать, в какой день и при каких обстоятельствах была написана та или иная глава или подглава. Достоевский пишет от первого лица, поскольку его задача – не сухое, отстраненное информирование о произошедших событиях, а их анализ и оценка. Поскольку «Дневник Писателя» позиционировался как журнальное издание, в нем мы наблюдаем привычные газетные формы – новость, статья, очерк, фельетон и т.д., которые трансформируются в соответствие с авторским замыслом.

В блогах мы можем наблюдать похожую картину. Пост в блоге также подразумевает сплошной текст-рассуждение на определенную тему. Заголовок поста не является обязательным условием, но большинство блогеров все же используют заголовки для привлечения внимания читателей. Чаще всего в одном посте автор затрагивает одну единственную тему, для рассуждений же на другую создается отдельный пост. Если собрать все посты какого-либо блога за месяц в формате печатного издания, то по своей форме оно будет в точности повторять номер «Дневника Писателя». Также, в каждом посте отображается дата и время его написания.

Занимаясь публицистической деятельностью, Достоевский ясно видел противоречия и недостатки современной ему прессы. В своем творчестве Достоевский не раз затрагивает вопрос о том, какими принципами должен руководствоваться журналист в своей работе. Эти

идеи в своей совокупности формируют своеобразный кодекс этических принципов журналиста. Идеи, входящие в этот кодекс, хоть и не были сформулированы в форме списка, но однозначно иллюстрируют позицию Достоевского по отношению к занятию журналистской деятельностью. позицию Достоевского по отношению к занятию журналистской деятельностью. Свою концепцию журнализма Достоевский раскрыл в объявлениях об издании и подписке на журналы «Время» и «Эпоха» (1861–1865), в журнальной полемике 1860-1870-х гг., а также в записных книжках и переписке.

Приведем его слова из «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «Свобода совести и убеждений есть первая и главная свобода в мире» [5]. В объявлении о подписке на журнал «Время» за 1863 г. он пишет:

«Мы прямо шли от того, что есть, и только желаем этому что есть наибольшей свободы развития. При свободе развития мы верим в русскую будущность; мы верим в самостоятельную возможность ее... В нашем обществе уже есть энтузиазм, есть святая, драгоценная сила, которая жаждет применения и исхода. И потому дай бог, чтоб этой силе был дан какой-нибудь законный, нормальный исход. Разумеется, свобода, данная этому выходу, хотя бы в свободном слове, сама себя регулировала бы, сама себя судила бы и законно, нормально направила. Мы искренно ждем и желаем того» [3].

Сейчас уже нельзя отрицать, что блог возник в интернет-пространстве во многом как ответ официальным СМИ и их нездоровой информационной политике. Авторы блогов откликнулись на возросшую в обществе необходимость независимого мнения без замалчивания реальных фактов, что сделало реальным блог конкурентом традиционных СМИ. Ориентированность на предоставление достоверной информации, таким образом, стала определяющей чертой блогосферы. Возрастающая же популярность блогов показала интерес и лояльное отношение аудитории к блогу как аналогу традиционного СМИ. Продолжая анализировать процесс становления блога, мы понимаем, что главным компонентом любого блога является фигура автора, его личность, или та ее сторона, которую он показывает читателям. В отличие от традиционного СМИ, к которому читатель обращается, если хочет узнать текущие новости, в блог аудитория приходит за мнением автора, его субъективной точкой зрения в отношении событий. Эта интенция более комплексная и затрагивает более сложные психологические механизмы.

Будучи редактором «Гражданина», Достоевский был вынужден следовать генеральной линии издания, подгонять свои тексты под шаблон, что лишало его возможности свободно выражать свои мысли и не в полной мере соответствовало его принципам как журналиста. Это Задумывая «Дневник Писателя», Достоевский отталкивался от принципа полной свободы авторского самовыражения, он хотел дать своим читателем полностью независимое издание, предпринять уникальный опыт и выступить со своими взглядами перед общественностью. По свидетельствам современников Достоевский контролировал весь процесс создания «Дневника» единолично – от выбора тем для выпуска, до верстки и печати в типографии. Он являлся главной движущей силой издания, вокруг его фигуры построен весь идейный пласт «Дневника». Данный вывод не может не заставить нас провести параллель с интернет-блогом, который, как и «Дневник Писателя» строится вокруг личности автора и этим же автором полностью управляется.

На всех этапах создания «Дневника» Достоевский был настроен на открытый диалог со своими читателями. Возможность получать обратную связь была не просто приятным бонусом профессии журналиста, она была неотъемлемой частью процесса. Достоевский считал своей обязанностью читать и отвечать на письма читателей. В письме к Х.Д. Алчевской он признается: «Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати. Право, не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, — как бы более правды, как бы более в самом деле» [1]. Достоевский неоднократно публиковал письма читателей в различных главах «Дневника Писателя», вступая в полемику с аудиторией. Многие из этих писем, в которых

читатели делились событиями своей жизни, стали основой для целых глав «Дневника». Диалогичность, таким образом явилась основополагающей чертой поэтики произведения, обуславливающей его жанровую специфику.

Многие исследователи указывают на художественную природу «Дневника Писателя». По словам И.Л. Волгина: «С одной стороны, „Дневник“ преследовал как будто бы чисто публицистические задачи, с другой — осуществлял их при помощи особых „непублицистических“ средств».

Но этого-то как раз и не осознавало большинство газетных критиков» [4]. В.Н. Захаров дает характеристику этим «непублицистическим средствам»: «„романизация“ действительных, литературных и художественных впечатлений вела не к превращению „дневника“ в „роман“, а к образованию в „дневнике“ художественных структур: типов, характеров, сцен, „картинок“, эпизодов, рассказов, анекдотов, воспоминаний, „речей“, очерков, фельетонов и т. д. Все они, в том числе и получавшие определённый жанровый статус, в композиции „Дневника“ приобретали новое значение — смысл целого (как в романе)»[4].

Л.П. Гроссман называет «Дневник Писателя» жанром художественной публицистики, «с направленностью на злобу дня, но с правом автора на вольные импровизации по текущим вопросам общественной жизни, на воспоминания, на «рассказы кстати», очерки, впечатления, иногда и глубокие новеллы психологического и философского характера» [2]. Таким образом, исследователи указывают на жанровую интердискурсивность «Дневника». Происходящее же при этом слияние художественного и публицистического стилей служит условием для ее реализации. Художественные произведения – такие, как «Кроткая», «Столетняя», «Сон смешного человека» и другие, в следствие этого слияния становятся органичной частью «Дневника Писателя».

Нужно отметить, что публикация художественных произведений в блоге наиболее характерна для пользователей, позиционирующих себя в качестве писателей. Тем не менее, делятся своими произведениями и обычные пользователи Интернета. Блоги есть и у профессиональных писателей – Татьяны Толстой, Бориса Акунина, Евгения Гришковца и многих других. Писатели часто публикуют свои произведения в блоге, прежде чем издать их в печатном виде. Чаще всего в блоге публикуются произведения малой формы – рассказы, стихотворения, зарисовки и т. д. Блог как жанр интернет-коммуникации подразумевает полную свободу авторского самовыражения, что позволяет авторам делиться своим творчеством, будь то художественное произведение, музыка, фото или видео контент.

«Дневниковая» форма, и дневник как жанр в целом подразумевают некую интимность, личный характер информации, содержащейся в нем. Журнальный жанр, в свою очередь, в своей основе имеет установку на публичность, массовость информации, ее всеобщность, вседоступность. Конфликт этих контрастных, взаимоисключающих установок, Достоевский разрешает оригинальным путем. Выбор дневниковой формы неслучаен еще и по той причине, что подобный способ изложения мыслей более всего подходит для диалога с читателем, выстраивания с ним доверительных отношений. Эти отношения служат фундаментом для сотрудничества, обмена мнениями, идеями, точками зрения. Вовлеченная в диалог, многочисленная читательская аудитория развивалась, чувствовала, размышляла вместе с Достоевским на темы, волнующие автора. Через это создавался прецедент в русской литературе, который нас, живущих в современном обществе не может не привести на мысль об интернет-блоге.

Исследователи считают, что блог как жанр интернет-коммуникации, сформировался в ходе трансформации жанровой модели «классического» дневника, определяемого как «систематическая, последовательная запись происходящих событий с центральной фигурой самого автора текста, осуществляемая для понимания и запечатления личности в системе переживаемых ею событий, с точным указанием даты происходящего и заведомо двойственной адресацией» [6]. Структура «Дневника Писателя», как и структура каждого отдельного интернет-блога, выстраивается вокруг личности автора. «Дневник Писателя» явился прообразом

интернет-блога в печатной среде. Задолго до появления интернета Достоевскому удалось объединить огромную аудиторию вокруг издания, целиком состоящее из его собственных мыслей и рассуждений. «Дневник Писателя», несомненно, несет многие черты блога, что может говорить о необходимости глубокого исследования механизмов, лежащих в основе их генезиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волгин, И.Л. Поверх барьеров. Загадка Дневника писателя // Достоевский Дневник писателя. В 2-х томах / И.Л. Волгин – М.: Прозаик, 2012. – С. 2–19.
2. Гроссман, Л.П. Достоевский / Л.П. Гроссман. – М.: Молодая гвардия, 1965. – С. 89.
3. Достоевский, Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки. В 3-х томах. Т. 1 / Ф.М. Достоевский – М.: Захаров, 2005. – 480 с.
4. Захаров, В.Н. Кодекс Достоевского Достоевский и журнализм / В.Н. Захаров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – Вып. 4. – С. 17–26.
5. Зимние заметки о летних впечатлениях. Ф.М. Достоевского. Новое просмотренное издание. Издание и собственность Ф. Стелловского. – СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1866. – 94 с.
6. Харченко, В.К. Дневник как жанр в аспекте лингвоаттрактивности / В.К. Харченко // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83) – Вып. 6. – С. 49–55.

Материал поступил в редакцию 04.04.20

"A WRITER'S DIARY" BY F.M. DOSTOEVSKY AS A PROTOTYPE OF AN INTERNET BLOG

Yu.A. Galzitskaya, Master's Degree Student
The Pushkin State Russian Language Institute (Moscow), Russia

Abstract. *This scientific article analyzes the originality of the genre concept of the "A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky. Having considered the features of the form, the ideological component and the process of creating the work, we were able to identify a number of special characteristics that allow us to make the assumption that the "A Writer's Diary" has the genre features of an Internet blog. This assumption expands the field of research on the work of F.M. Dostoevsky and illustrates a new view of the genre nature of The "A Writer's Diary", which has long been the subject of discussion among literary critics.*

Keywords: *Dostoevsky, "Diary of a Writer", blog, Russian literature, concept, literary studies.*

УДК 070

СЛОВОТВОРЧЕСТВО НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ИНТЕРНЕТЕ

А.С. Джучукова, магистрант

Институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва), Россия

Аннотация. В данной работе представлено исследование примеров современного словотворчества и рефлексии на него носителей языка в контексте изучения феномена языковой игры.

Ключевые слова: словообразование, деятельностный характер, метатекст, словотворчество, носители языка.

Словообразованию в настоящее время посвящено много лингвистических исследований: оно является динамичной, развивающейся системой, которая представляет собой интересный объект для наблюдений. Одной из активно изучаемых проблем, связанных со словообразованием, является его деятельностный характер, что вполне соответствует современной функциональной направленности в изучении языка и речи и отражается, в частности, в работе Елены Андреевны Земской «Словообразование как деятельность» [2009, с. 5].

Под деятельностным характером словообразования понимается его оценка как одного «из важнейших действующих механизмов языка, который используется говорящим в процессе общения в различных целях» [2009, с. 5]. Деятельностный характер обнаруживается – в том числе – при помощи метатекста. По отношению к метатексту представляется корректным определение: «элементы текста, соотносимые с ситуацией общения, описывающие и структурирующие речь, частью которой они являются» [academic.ru].

Интернет, внедрившийся сегодня в жизнь практически каждого человека, является тем самым полем для реализации деятельностного характера словообразования, который в интернет-коммуникации реализуется с помощью (в частности) языковой игры. Языковая игра, как правило, «связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать "свежий, новый образ"» [Данилевская, 2003, с. 657–660]. Пользователи Глобальной сети прибегают к метатексту для оценки словотворчества, которое имеет активный характер и сопровождается осмыслением в виде оценки новых слов и их потенциала.

Объектом нашей работы стало словообразование в Интернете, реализуемое в словотворчестве пользователей и оцениваемое ими же. В качестве материала нами были использованы тексты различных жанров (преимущественно комментарии) интернет-форумов и сайтов. Приведем пример: *Сфрендить* – позаимствовать что-либо у френда. Новое слово подходит как к виртуальному пространству, так и к реальному». Единица *сфрендить* – глагол, образованный префиксально-суффиксальным способом. Комментарий обнаружен в контексте обсуждения новых слов: пользователи делятся придуманными единицами и объясняют их значение. В данном случае в качестве нового слова участник обсуждения предлагает единицу *сфрендить* и объясняет ее значение через заимствованное слово, оценивая его как известное другим участникам коммуникации. При этом остается неясной однозначность мотивирующего слова: идет ли речь именно о друге или любом пользователе интернет-коммуникации (ср. *зафрендить* – «добавить в друзья» в значении включить в коммуникацию, что необязательно означает наличие дружеских отношений). Возможность употребления слова оценивается автором комментария не только в Интернете, однако очевидно, что она стилистически ограничена. Таким образом, мы наблюдаем своего рода попытку объяснения,

которая на представленном уровне не является ни полной, ни однозначной. В то же время, анализ материала подтверждает современные тенденции в области словотворчества и вписывается в ряд актуальных сегодня способов словообразования, представленных в работе Е.А. Земской [2009, с. 8–12].

В ряду наших находок такие слова, как *позобрюх* («неправильный пельмень»), *жоблы* («в детстве называла горб у верблюдов, ну и сейчас промелькивает»).

Приведенные примеры демонстрируют современную игровую стихию: пользователи чаще всего даже не задумывались над тем, есть ли такое слово в речи, и каким способом оно было придумано: *Высказывание одного пользователя: Левда, значение: шуточный антоним слова "правда". Если вы что-то утверждаете, вас переспрашивают "Правда?" и вы хотите показать, что обижены недоверием. Тогда отвечаете "Левда". Ответ другого пользователя: Есть такое слово, левда или (чаще) леуда, от лат./фр. leuda: Сборщики левды в Нарбонне заставляют платить пошлину все суда, проходящие мимо этого порта. Сборщики левды из Нарбонны и Безье требуют от купцов, везущих ткани по сухопутной дороге, таких высоких пошлин, которые не взимались никогда до этого... Морская левда понималась как плата за право укрываться в порту во время бури. Те корабли, размеры которых позволяли воспользоваться портом, должны были ее выплачивать. Большие суда, как правило, освобождались от левды... И в вашем значении тоже: ...Мною с правдой левда спрядена... (Велимир Хлебников)*. Очевидно также, что пользователи заинтересованы в обсуждении новых единиц и их функций. Анализ рефлексии носителей языка показывает их попытки осмысления того самого феномена, который и представляет собой языковая игра, связанная с созданием «комических смыслов или с желанием создать "свежий, новый образ"».

Язык является динамичной системой, которая постоянно развивается, и носители языка, в частности пользователей интернета, проявляют активность, как в процессе словотворчества, так и в его оценке, которая также может служить материалом для исследования новейших тенденций в словотворчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевская, Н.В. Языковая игра. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М.Н. Кожинной – 2-е издание / Н.В. Данилевская. – М.: "Флинта", "Наука". Под редакцией М.Н. Кожинной – 2-е издание. 2011. – 696 с.
2. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
3. Сайт словарей и энциклопедий: Метатекст // Сайт словарей и энциклопедий. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>, 2000-2004.
4. Форум: Я придумал новое слово. – Режим доступа: <https://promodj.com>, 2015.

Материал поступил в редакцию 27.04.20

WORD CREATION ON THE EXAMPLE OF A LANGUAGE GAME ON THE INTERNET

A.S. Dzhuchukova, Master's Degree Student
Pushkin State Russian Language Institute (Moscow), Russia

Abstract. *This paper presents a study of examples of modern word creation and reflection on it by native speakers in the context of studying the phenomenon of language play.*

Keywords: *word formation, activity character, metatext, word creation, native speakers.*

УДК 808'2

РЕДАКТОРСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАГЛАВИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА)

П.П. Жолнерович, кандидат филологических наук,
доцент кафедры медиалингвистики и редактирования
Белорусский государственный университет (Минск), Республика Беларусь

***Аннотация.** Исследуются особенности работы редакторов по изменению заглавий произведений белорусского писателя Владимира Кароткевича (1930-1984). Во многом в советское время редакторские правки вызывались идеологическими причинами, поэтому исключалась любая возможность сохранения оригинальных заглавий, концептуально связанных с текстом произведений и раскрывающих писательскую интенцию. Исследование актуализирует необходимость изучения рукописей и машинописей советских писателей, произведения которых часто изменялись вопреки авторской воле под силовым воздействием органов цензуры.*

***Ключевые слова:** заглавие, редактирование, Владимир Кароткевич, немотивированная правка, цензура.*

Заглавие относится к рамочным элементам композиции, предназначенным не только для информирования о содержании текста, но и для привлечения внимания, выделения его среди других. Известно много примеров, свидетельствующих о том, что мастера художественного слова кропотливо трудились над заглавиями, иногда перебирали десятки их вариантов, чтобы остановиться на одном, самом ярком и соответствующем интенциональной доминанте определенного произведения. Поэтому вполне понятна та ответственность, с которой редактору следует подходить к оценке мастерства автора, проверяя соответствие заглавия логическому закону тождества, определяя его оригинальность и индивидуальные стилистические находки.

Белорусский писатель Владимир Кароткевич (1930-1984) очень тщательно подходил к выбору заглавий как художественных, так и публицистических произведений. Концептуальность текстов проявлялась и в заглавиях, подчеркивающих идейно-тематическое содержание и ассоциативно характеризующих континуум всего мироздания («Колосья под серпом твоим», «Христос приземлился в Городне», «Земля под белыми крыльями» и др.). Интересная мысль насчет отношений автора и произведения высказана Умберто Эко, который считал: «Автор не должен интерпретировать свое произведение» – и далее, как бы с сожалением, продолжал: «Заглавие, к сожалению, – уже ключ к интерпретации» [5, с. 6]. И такая писательская интерпретация должна помочь читателю сориентироваться, направить его внимание в нужном направлении и таким образом облегчить проникновение в глубинные структуры текста.

В отдельных случаях В. Кароткевич, возвращаясь к заглавию и корректируя его, стремится именно усилить концептуальность, выделить глобальность соответствующей темы. Это, в частности, характерно для эссе, впервые опубликованного в журнале «Маладосць» в 1968 г. под названием «Дуб Кривошапки». Позже, включив произведение в книжное издание, писатель изменяет заглавие: вместо наименования конкретного дерева (дуб – гипоним) использован гипероним *древо*; вместо персонажа белорусской истории (*Кривошапка*) появляется лексема с расширительной семантикой (*вечность*): «Древо вечности» [2, с. 511] – в содержании книги, «ДРЕВО ВЕЧНОСТИ» [2, с. 297] – перед текстом эссе.

Казалось бы, это заглавие как нельзя лучше выполняет возложенные на него функции. Однако концептуальный анализ обнаруживает, что и здесь не обошлось без редакторской небрежности. В середине произведения автор (он же полноценный герой эссе как жанра) проникает мыслью вглубь веков и высказывает свои сомнения: «Не знаю, соответствует ли дереву имя “царь-дуб”. Название “дуб Кривошапки” соответствует больше, хотя и оно не из лучших. Всякое имя будет жалким перед этой величественной, перед этой мудрой вечностью» [2, с. 309], далее уже убедительно констатирует: «Залог этого – мудрые человеческие очи, черные руки и последний отсвет заката на верхушке *Древа Вечности*» [Там же], а в конце полностью трансформирует концептуальную структуру: «Я был связан сейчас с ними, со всей историей моего народа через неразрывное, через живое звено, через тысячелетнее *Древо Вечности*» [2, с. 313] (переводы с белорусского языка наши. – Авт.). Полагаем, что прописные буквы как маркеры авторской интенции должны были перейти и в заглавие, которое, к сожалению, из-за специфики полиграфического оформления этого не отразило, чем снижен прогнозируемый воздействующий эффект.

Целая эпопея связана с заглавием романа, впервые опубликованного в журнале «Полымя» в 1962 г. под названием «Нельзя забыть». В книжное издание, запланированное на 1963 г., автор возвратил первоначальное заглавие – «Леониды не вернутся к Земле». Однако книга не увидела свет: В. Короткевич отмечает в одном из писем: «Набор моего романа рассыпан (обвинили в абстрактном гуманизме и других смертных грехах)». Лишь через двадцать лет, в 1982-м, роман вышел под тем же заглавием «Нельзя забыть». Однако автор настойчиво использует первоначальный вариант, в частности в дневниках: «Пошел в Дом книги, получил корректуру “Леонидов”», «Весь день вычитывал “Леониды”» и др. Ходила молва, что заглавие даже связывали с именем руководителя СССР Л. И. Брежнева, поэтому исключалась любая возможность возвращения к заглавию, в котором компрессивно отражена авторская интенция: Леониды вернутся к Земле лишь тогда, когда исчезнет вражда, когда перестанет литься кровь и не будут гибнуть ни в чем неповинные люди.

В отдельных случаях заглавие могло вызвать, по мнению редакторов или цензоров, ненужные отчетливые ассоциации религиозного порядка, что проявилось в рассказе «Ковчег». Заглавие из первой публикации в журнале «Полымя» в 1961 г. в книге, вышедшей в том же году, изменено на «Лазурь и золото дня» (такое название получила и книга). Возможно, молодой писатель согласился на изменение, чтобы все-таки издать первую книгу прозы после двух поэтических сборников, доказать читателю многогранность своего таланта и умение работать в разнообразных литературных жанрах.

Заглавие «Лазурь и золото дня», без сомнения, выразительное, образное, определенным образом раскрывает тематическую доминанту, концептуально связывается с отдельными структурами текста («Челны плыли в лазурном и золотом» [2, с. 204], «Все вело к этому: лазурь и золото дня, искры на воде, фиолетовое свечение рыбы в полумраке» [2, с. 207] и др.). Однако «Ковчег» семантически более насыщенное заглавие: оно ассоциируется с паводком и с небрежностью полесской водной глади, с челном, в котором оказались молодые люди, с зарождением любви и неопровержимым продолжением человеческого существования на земле. Кроме того, структуры текста точнее подкрепляют это: «И по этим водам, по залитой водою земле мчался лишь один их челн, их *ковчег*» [2, с. 207], «*Ковчег* гнало, слегка покачивая на волнах, и сверху смотрели на него звезды, тысячи раз видевшие это и все же не устававшие завидовать земному теплу» [2, с. 208], «Они очень сильно спали, когда вода, прибывая все выше, сняла *ковчег* и опять понесла его по течению» [Там же]. Первый раз *ковчег* выступает приложением-уточнением к *челну*, потом *челн* молодых людей становится только *ковчегом* – когнитивной метафорой, подытоживающей логическую связь с предтекстом и ассоциативное обращение к нему читателя. В самом деле, как в высказывании А. Твардовского: «Простые слова заголовка под конец чтения должны наполняться смыслом, становиться мудрыми, и, если это произойдет, их простота обнаружится сильнее и значительнее самого броского заголовка» [1, с. 278]. Не случайно и первый переводчик на

русский язык рассказа в 1969 г. (журнал «Неман»), через восемь лет после выхода книги, обоснованно оставил заглавие «Ковчег».

Архивные материалы помогают восстановить первоначальные заглавия и других произведений В. Короткевича. Известное под нехарактерным для писателя и громоздким заглавием эссе «Рыгору Романовичу Ширме – сердечные слова любви» [3, с. 317] имеет, оказывается, другое заглавие: «Наш дядька Рыгор» – лаконичное, национально маркированное (обращение *дядька* к старшему мужчине), направленное на приглашение читателя к диалогу посредством местоимения *наш*. А в эссе «Это было 10-го марта 1864 года... (К столетию со дня смерти Кастуся Калиновского)» [3, с. 253] информация из сильной позиции – заглавия – перенесена в подзаголовок: первоначально «Кастуся Калиновский» (К столетию со дня казни)». Кроме того, смысловое наполнение подзаголовка коррелируется расплывчатой, очевидно, не авторской, речевой конструкцией (К 100-летию со дня смерти Кастуся Калиновского), в которой неопытный читатель может увидеть обычную смерть обыкновенного человека вместо того, чтобы получить информацию о борьбе национального героя с самодержавием за независимость родной земли, ради свободы которой он и поплатился жизнью.

Природа художественного творчества требует от редактора глубокой теоретической подготовки, знания современных подходов к анализу художественных и публицистических текстов, в том числе умения выявлять парадигматические связи, видеть вербальный массив в комплексе всех его составляющих. Кроме того, «в той или иной форме сомнения преодолевают каждого, кто предлагает к публикации свое создание, и редактор всегда должен видеть за страницами рукописи живое сердце, живую душу, отданную на его суд, остерегаться незаслуженно оскорбить автора не только отрицательной оценкой, но и формой, тоном разговора» [5, с. 253]. Как раз невнимательность советской редатуры и цензуры к автору и неуважение к его мнению вызывали во многих случаях конфликтные ситуации, написание произведений «в стол», а то и необходимость эмиграции. Современный же редактор прежде всего должен уметь нестандартно мыслить при анализе, оценке и правке художественного произведения, быть профессионалом и владеть высокой общей культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания о Твардовском: сборник. – М.: Советский писатель, 1982. – 542 с.
2. Караткевіч, У. Зб. тв.: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. – Т. 2. – 511 с.
3. Караткевіч, У. Зб. тв.: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. – Т. 8, кн. 2. – 495 с.
4. Редакторская подготовка изданий / под ред. С. Г. Антоновой. – М.: Логос, 2004. – 496 с.
5. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко ; перев. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 92 с.

Материал поступил в редакцию 17.04.20

**EDITORIAL CHANGES OF TITLES
(ON THE EXAMPLE OF WORKS BY VLADIMIR KOROTKEVICH)**

P.P. Zhauniarovich, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor at the Department of Media Linguistic and Editing
Belarusian State University (Minsk), Republic of Belarus

***Abstract.** The features of the editor to change the titles of works of Belarusian writer Vladimir Korotkevich (1930-1984) are investigated. In many ways, in Soviet times editorial changes were caused by ideological reasons, therefore, exclude any possibility of saving the original title, is conceptually related to the text of the works and reveal the writer's intention. The research highlights the need to study the manuscripts and typescripts of Soviet writers, whose works were often changed against the author's will under the forceful influence of censorship.*

***Keywords:** title, editing, Vladimir Korotkevich, unmotivated editing, censorship.*

УДК 81

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА
В ТЕРМИНОЛОГИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Е.В. Цуканова, заведующая Международным ресурсным центром,
Научная Библиотека, Национальный исследовательский
Томский Государственный Университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности семантики метафорических моделей категории ПРОСТРАНСТВО терминологии юриспруденции русского языка. Исследованы и проинтерпретированы механизмы концептуального переноса в метафорических моделях категории ПРОСТРАНСТВО.*

***Ключевые слова:** метафорическая модель, метафорический термин, концептуальная метафора, категория пространство.*

Метафорическое моделирование выступает актуальным когнитивным механизмом абстрактного научного познания, позволяющим переосмыслить сложные объекты, понятия профессиональной коммуникации, оценить фрагмент действительности при помощи сценариев, фреймов, относящихся к совершенно иной понятийной области, т.к. в ее основе лежит «возможность ментального объединения предметов из разных сфер опыта» [1, с. 69].

Исследование терминосистем в аспекте семантической деривации мы обнаруживаем в работах В.М. Лейчика, Н.А. Мишанкиной, В.Н. Прохоровой, С.П. Хижняка [5, 6, 7, 9]. Когнитивное терминоведение сфокусировано «на изучении концептуальной модели семантики терминологической единицы», когда объектом исследования становятся «знаниевые структуры термина» [6, с. 34]. Семантическая деривация в данном случае выступает как «закономерный процесс функционирования лексики как литературного, так и национального русского языка» [7, с. 8], где в качестве основных способов образования производных значений выступают метафорический и метонимический переносы. Анализ семантического терминообразования позволяет выявить специфические семантические, структурные, концептуальные характеристики и установить продуктивные и наиболее частотные метафорические модели терминосистемы.

На данном этапе нашего исследования мы ставим целью рассмотреть метафорические модели категории ПРОСТРАНСТВО в исследуемом метафорическом фрагменте терминологии юриспруденции, которые формируют систему, отражающую концептуальную структуру области права. Исходя из существующих дефиниций, термин представляет собой явление динамическое, системное, имеющее тенденцию к однозначности в пределах одной дисциплины, науки, имеющее определенную соответствующую дефиницию, стремящееся к предельной точности и лишённое эмоциональности.

Когнитивный опыт носителей влияет на формирование гносеологических моделей национального языка и профессиональную коммуникацию впоследствии, семантика которой изначально базируется на опыте носителей языка.

Одним из основных методологических подходов к которому мы обращаемся в ходе анализа семантики метафорических моделей юридической терминологии выступает теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4], основная идея которой заключается в том, что метафора изначально, зарождается не в языке, а в мысли и, зачастую в ее основе лежит перенос «телесного опыта человека/ embodied experience» [10, с. 2]. Метафора выступает неотъемлемой частью культуры, когда через призму метафорического понимания допустимо осознание нематериальных вещей, таких, как «время, внутренняя жизнь, ментальные процессы, эмоции, абстрактные качества, моральные ценности, социальные и политические институты» [10, с. 2].

Анализируя метафоризацию терминологии юриспруденции стоит упомянуть, что язык права занимает особое место среди языков специальной, профессиональной культуры и истории нации, в целом. Данный факт обусловлен специфичностью области знания. Обращаясь к языку права, мы сталкиваемся с «национальной обусловленностью, национальной ограниченностью», т.е. с расхождением понятийного аппарата национальной правовой системы, как отмечает Лайкауф Гюнтер, называя «квадратурой круга» – «перевод на язык другой понятийной системы с сохранением понятийной системы исходного языка» [2, с. 150].

Лексико-семантический подход, теория концептуальной метафоры позволяют проинтерпретировать терминосистему юриспруденции как часть общеязыковой системы, где, термины-метафоры образуются, «на базе уже сформированных в культуре знаний, получивших закрепление в языковых структурах» [6, с. 34].

В ходе анализа метафорических терминов сферы юриспруденции нами были использованы следующие методы: классификации, описательный, структурно-семантического анализа, метафорического моделирования [9].

На данном этапе исследования нами проанализировано 379 метафорических терминов, 185 из которых относятся к категории ПРОСТРАНСТВО и реализуются в метафорических моделях посредством указания на:

- **перемещение в пространстве в разных направлениях:**

ОТВЕТНОЕ ДЕЙСТВИЕ – ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ С УКАЗАНИЕМ ТРАЕКТОРИИ: *встречное предложение/ претензия;*

КОММУНИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ – ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ В ОПРЕДЕЛЕННОМ НАПРАВЛЕНИИ: *вводит в заблуждение;*

ДЕЙСТВИЕ (ЗАКОНА) ВО ВРЕМЕНИ – ДВИЖЕНИЕ В ПРОТИВОПОЛОЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ: *иметь обратное действие.*

- **размещение в горизонтальном, вертикальном положении:**

СТАБИЛЬНОСТЬ – СПОСОБ ФИЗИЧЕСКОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ: *устойчивый курс валюты;*

ОПРЕДЕЛИТЬ ИСТИННЫЕ ФАКТЫ – ИЗМЕНИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ: *установить истину;*

- **ограничение пространства:**

СООТНОШЕНИЕ НОРМЫ И НЕНОРМАТИВНОГО – УСЛОВНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: *граница бедности;*

УСЛОВИЯ ПРАВООБЛАДАНИЯ – УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ; *ограничение дарения;*

- **указанием на открытость пространства:**

СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ – СОСТОЯНИЕ ПРОСТРАНСТВА: *открытое слушание дела.*

Антропологическая сущность восприятия мира реализуется посредством языкового сознания и воплощения опыта человека посредством языка, интерпретируя опыт человека и трансформируя его на профессиональную сферу. Метафорические модели категории ПРОСТРАНСТВО проецируют определенные шаблоны опыта человека по взаимодействию с окружающим миром при актуализации определенных концептуальных характеристик в профессиональную сферу юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение / Е.И. Голованова. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 69 с.
2. Гюнтер, Л. От слов к словарю понятий: о проблемах перевода и двуязычного описания юридических терминов / Л. Гюнтер // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 2. Языкозн. – 2013. – № 3 (19). – С. 150–157.
3. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997. – 25 с.
4. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Мишанкина, Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели / Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 32–45.
6. Мишанкина, Н.А. База данных русской метафорической терминологии: модель описания термина / Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнева // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 441. – С. 34–43.
7. Прохорова, В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В.Н. Прохорова. – М.: Филологический факультет, 1996. – 125 с.
8. Хижняк, С.П. Семантические свойства юридического термина / С.П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2007. – № 2. – С. 104–112.
9. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
10. Kövecses, Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation / Z. Kövecses. – Cambridge University Press, 2010. – P. 1–10.

Материал поступил в редакцию 28.04.20

SPACE METAPHOR WITHIN LEGAL TERMINOLOGY

E.V. Tsukanova, Head of International Resource Center,
Research Library of National Research Tomsk State University,
National Research Tomsk Polytechnic University, Russia

Abstract. *The paper concentrates on the semantics peculiarities of the SPACE metaphor models within legal terminology in the Russian language. The mechanisms of concept mapping within metaphor models SPACE category have been investigated and represented*

Keywords: *metaphor model, metaphor term, conceptual metaphor, SPACE category.*

УДК 811.111

СЛУЖЕБНЫЕ ЕДИНИЦЫ НА БАЗЕ СЛОВА «ИНАЧЕ», ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Чжан Шо, аспирант

кафедра русского языка и литературы ВИ-ШРМИ
Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается структура и функции служебных единиц на базе слова **иначе**, выражающих пояснительные отношения. Главной целью статьи является описание семантико-синтаксических функций названных единиц. Новизну исследования определяют его результаты. В ходе работы устанавливается, что изучаемые единицы выполняют функции аналога союза, конкретизатора в разных типах конструкций и функцию текстовой скрепы. С помощью названных единиц оформляется семантическая разновидность пояснительных отношений – отношения тождества. Определяется, что в контексте на отношения тождества накладывается семантика контраста.*

***Ключевые слова:** синтаксис, служебные слова, аналог союза, текстовая скрепа, конструкция, пояснительные отношения.*

В русской лингвистике синтаксические отношения являются важнейшей категорией конструктивного аспекта синтаксиса, тесно связанной с синтаксическими связями. Синтаксические отношения – это обобщенные смысловые отношения, которые оформляются синтаксическими связями: эти два понятия различаются как содержание и форма [14, с. 22]. Среди синтаксических отношений выделяются координативные и субординативные отношения. При координативных отношениях два (или более) предмета, признака, ситуации существуют независимо друг от друга и в то же время соотносены [14, с. 22]. При субординативных отношениях два компонента находятся в отношениях зависимости: существует главный и подчиненный компоненты [14, с. 23]. Главными средствами выражения координативных отношений являются сочинительные союзы, субординативных отношений – словоформы, предлоги, подчинительные союзы, союзные слова. Координативные отношения соответствуют сочинению, субординативные – подчинению.

Пояснительные отношения в качестве одного из типов синтаксических отношений, несмотря на долгую историю их изучения, продолжают привлекать внимание исследователей, так как до сих пор остается ряд нерешенных теоретических проблем, связанных с квалификацией этого типа отношений. Пояснительные отношения имеют признаки и координативных, и субординативных отношений. Эта проблема обсуждается в течение долгого времени и до сих пор остается спорной. (Краткая история обсуждения этого вопроса дана в [7]). Признаки координативных отношений проявляются в том, что пояснительные отношения могут реализоваться в конструкции типа сочинительного ряда. Как показывают исследователи, в сочинительном ряду компоненты конструкции независимы друг от друга, равноправны [7, с. 14-15]. Однако при пояснительных отношениях поясняемый (первый) компонент ряда и поясняющий (второй) компонент ряда не совсем равноправны. Второй компонент ряда зависит от первого, что проявляется в специальной интонации, выделяющей второй компонент ряда, в строгом порядке слов, который не может быть изменен [7, с. 14-15]. Например: *Метров через сто слонёнок добрался до конца тоннеля, то есть вышел на каменную площадку, – эдакий балкон без ограды, – зависшую над жерлом потухшего вулкана* (А. Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003) [4]; *И тогда мы, чтобы не нервничать, стали говорить о*

другом. А именно о жизни («Домовой», 2002.08.04) [4]. Аналогично в сложном предложении: *Единственное, что он мог, это побеседовать сам с собой. То есть Эле советовался с Фантиком* (А. Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003) [4]. Второе предложение по логике зависит от первого, синтаксически это проявляется в строгой последовательности предложений: поясняющее предложение не может быть перед поясняемым. Такая зависимость позволяет исследователям рассматривать пояснительные отношения или как субординативные, или выделять их в отдельный тип отношений, отличный от координативных и субординативных.

Средством выражения пояснительных отношений являются пояснительные союзы (*то есть, а именно, или*), и интонация. На основе того, что было сказано выше, пояснительные союзы относят или к сочинительным, или к подчинительным, или выделяют в отдельную, промежуточную группу [5, с. 181].

Для выражения пояснительных отношений используют не только собственно пояснительные союзы, но и другие слова, не являющиеся союзами в строгом смысле слова, совмещающие «функцию союза с другой синтаксической функцией, являющейся для них основной» [10, с. 157]. Такое явление А.Ф. Прияткина назвала «союзоподобие» [10, с. 157]. Процесс расширения класса служебных слов за счет других классов приводит к необходимости квалификации и систематизации средств выражения синтаксических отношений в целом и пояснительных отношений в частности. Такая задача оказывается актуальной для развития теории служебных слов русского языка.

Цель настоящей статьи – описать структуру и функции группы служебных единиц, сформировавшихся на базе слова *иначе* и служащих для выражения пояснительных отношений.

Сначала посмотрим несколько примеров: *Оказывается, то, что мы привыкли называть "грибом", – это и не гриб вовсе, а только его "плодовое тело". Само растение – это грибница, **иначе** "мицелий"* (И. Грекова. Фазан (1984)) [4]: *грибница* – поясняемый член, "мицелий" – поясняющий член, средство связи – **иначе**. *Задача – увидеть человека в его целостности, цельности, **иначе говоря** – увидеть в человеке общечеловеческое* (Сергей Оробий. Жанровый Протей // «Знание-сила», 2013) [4]: *увидеть человека в его целостности, цельности* – поясняемый член, *увидеть в человеке общечеловеческое* – поясняющий член. Средством их связи является сочетание **иначе говоря**. *Он является секретным сотрудником киевской охраны, **иначе сказать**, киевских жандармов* (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)) [4]: *киевская охранка* – поясняемый член, *киевские жандармы* – поясняющий член, средство связи – сочетание **иначе сказать**. В приведенных примерах разные средства связи объединены одним элементом – словом **иначе**.

Слово **иначе** по его первичной характеристике принадлежит к знаменательной части речи – наречию с семантикой «иным способом, иным образом, не так; по-иному, по-другому» [1], например: **Иначе поступить нельзя. С этой девушкой он держался иначе, чем с другими. Я надеялся отдохнуть, но вышло иначе**. В таких предложениях **иначе** в качестве наречия зависит от глагола и обозначает непроцессуальный признак действия [12, с. 701]. Служебная функция средства связи является для него вторичной.

Из приведенных выше примеров видно, что существуют три служебные единицы, в состав которых входит слово **иначе**, два из них представляют собой сочетание слов на основе подчинительной связи *примыкание*. Формально в таких сочетаниях главным является глагольная форма, к которой примыкает **иначе**, однако семантическим центром является зависимый компонент, так как с его помощью передаются пояснительные отношения.

Рассмотрим конструкции с пояснительными отношениями, показателями которых являются описываемые единицы.

В «Словаре служебных слов русского языка» выделяются следующие типы конструкций: **РЯД** – конструкция с непредикативными членами [13, с. 102], **МСК** – моносубъектная (полипредикативная) конструкция с «грамматическими предикатами при общем субъекте»,

СП – «конструкция, состоящая из предикативных единиц (двух и более), в которой компонентами союзной связи являются простые предложения в полном объеме» [13, с. 99-102]. Во всех названных конструкциях между компонентами могут быть пояснительные отношения.

Как пишет А.Ф. Прияткина, с точки зрения смысловой «логическую основу пояснительных отношений составляет мысль о тождестве» [8, с. 64]: говорящий по-разному представляет один и тот же объект действительности, в результате в конструкции «два члена предложения имеют общую денотативную отнесенность» [8, с. 64]. Наряду с этим А.Ф. Прияткина подчёркивает, что значение тождества в пояснительных отношениях является чисто синтаксическим, так как «оно вытекает из конструкции, а не из лексического значения», отнесенность слов к одному объекту действительности передается «благодаря определенному способу их синтаксической связи» [8, с. 65]. Исследователь отмечает, что пояснительные отношения и лексическая синонимия – это разные явления, потому что цель у поясняемого и поясняющего – по-разному охарактеризовать один и тот же объект действительности. Пояснительная конструкция рассматривается как особый тип ряда, состоящего из двух параллельных членов, отнесенных к общему третьему. Особенность такой конструкции, отличающей ее от эталонного сочинительного, в том, что в ней есть «специфическое союзное и интонационное оформление», показывающее, что параллельные члены «относятся друг к другу как определяемый и определяющий» [8, с. 66]. Как мы сказали выше, в пояснительной конструкции члены ряда не равны абсолютно.

Примеры конструкции РЯД:

*После него осталась хозяйкой его вдова, Евдокия Спиридоновна, **иначе бабушка Дуня**, – самая старая жительница Радуля. [С. М. Голицын. Тайна старого Радуля (1972)] [4]; Скажите, пожалуйста, вам не приходилось бывать в России, **иначе говоря – в Советском Союзе?** (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)) [4]; От первой и до последней страницы «Месс-Менд» создан тем лихорадочным подъемом, который вызывается «горением фосфора», **иначе сказать – творчеством** (М. С. Шагинян. Как я писала «Месс-менд» (1926)) [4].*

Примеры конструкции **МСК**: *По распоряжению Баева мы с Лёхой провели мониторинг окружающей среды, **иначе говоря, ходили в народ** (Е. Завершнева. Высотка (2012)) [4]; Через их, через этих хозяев, мы схоронили в разное время своих раненых не одного человека, и сами тоже хоронились в ихних помещениях, **иначе сказать – успешно скрывались** (С. Залыгин. Соленая Падь (1967)) [4].*

Примеры конструкции **СП**: *Заканчивается эпоха, появляются новые художественные течения, проходит мода на мебель или одежду, умирает их знаменитый владелец или автор, появляются новые достижения технического прогресса, **иначе говоря, нарушается стилистическое единство** («Неприкосновенный запас», 2004.01.15) [4]; Потому что она ограждает ваш личный покой, ваши права и ваше имущество – иначе сказать, она защищает интересы «ближнего» (Максим Горький. Мои интервью (1906)) [4].*

Во всех вышеприведенных примерах служебные единицы на базе слова **иначе** функционируют как единственное средство связи между поясняемым и поясняющим компонентами конструкции. В этом случае их можно квалифицировать как *аналоги союза* – «группа слов с квалифицирующими лексическими значениями, которые активно вовлекаются в сферу союзных средств» [12, с. 714].

Описываемые сочетания могут занимать позицию при союзах **или, то есть, а**, в этом случае они выполняют функцию конкретизатора. Конкретизаторы – это «слова и словосочетания, которые подключаются к союзу, уточняют его значение» [12, с. 713]. Например:

РЯД: *Эта «еще какая-то сила» называется ядерной **или, иначе, сильной** силой, она действует в 100 раз сильнее электричества, которое в свою очередь в триллионы триллионов раз сильнее гравитации («Наука и жизнь», 2007) [4]; Это есть почерк публичный, **или, иначе сказать, официальный** (Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935-1943)) [4]; Интересно и отсутствие предлога «в»: не философия в России второй половины XX века, а философия России, **то есть,***

иначе говоря, российская философия («Знание – сила», 2009) [4]; *Студенты, а иначе говоря – дети*, стояли смиренно и этим подавали пример (Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935-1943)) [4].

МСК: *В результате этого исследования установлено, что вступление метильного радикала в триметиленовое кольцо понижает его прочность, или, иначе, повышает его способность к размыканию* (А. Е. Арбузов. Краткий очерк развития органической химии в России (1948)) [4]; *Используя эти два частных решения, сформулируем обобщенный принцип решения задачи или, иначе говоря, прием* (А. И. Гасанов и др. Учебник по ТРИЗ (2000)) [4]; *Эти двое, как и многие из нас, используют запрещенные приемы, а иначе говоря, занимаются эмоциональным шантажом* (Комсомольская правда, 2006.01.30) [4]; *в следующие годы многие из «попутчиков» (за исключением Замятина, Пильняка и Зоценки) успели уже полностью влииться в «генеральную линию» коммунистической партии, то есть, иначе говоря, превратиться в писателей «советских»* [Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)] [4].

СП: *А настоящий актер не боится пустоты, он твердой рукой делает скупой рисунок в середине листа, и окружающая неподвижность пустоты только подчеркивает движение этого рисунка, или, иначе сказать, окружающая пустота подчеркивает наполненность того маленького пространства, на котором сделан этот рисунок* (К.Симонов. Рассказы о японском искусстве (1958)) [4]; *Все это я говорю, возражая только против мнения г.Пирогова, будто законодательство должно выжидать, пока жизнь предупредит закон, то есть, иначе говоря, – когда нарушения прежнего закона сделаются так сильны и повсеместны, что уж старого закона нельзя будет удерживать* (Н. А. Добролюбов. От дождя да в воду (1861)) [4].

А.Ф. Прияткина указывает, что *конкретизатор (уточнитель)* «можно рассматривать как некоторую самостоятельную функцию, не совпадающую с функцией союза» [6, с. 156].

Служебные сочетания с лексемой *иначе* не только образуют вышеуказанные конструкции, но и могут участвовать в организации текста, то есть связывать части (целые фрагменты) текста. Текст мы не рассматриваем как тип конструкции, однако способность связывать части текста относится к конструктивным свойствам служебной единицы. При определении текстовой функции служебного слова используется термин *скрепа* – это «служебное слово, являющееся специальным показателем связи между предложениями в составе сложного синтаксического целого» [10, с. 158]. Изучаемые единицы как текстовые скрепы «выражают отношения между высказываниями внутри абзаца, между частями текста, оформленными в виде абзаца, или соотносят между собой сколь угодно крупные части текста» [11, с. 335-336]. Например: *Изменение состава обязательных участников приводит к замене предикатной лексемы и соответственно называемой конкретной ситуации. **Иначе говоря**, обязательные участники ситуации определяют лексикографическую специфику каждой предикатной лексемы и необходимы для её адекватного толкования* (В. С. Храковский. Понятие сирконстанта и его статус (1999)) [4].

Перейдем к анализу семантической специфики пояснительных конструкций, которые формируются служебными единицами на базе слова *иначе*.

Как уже было сказано, пояснительное отношение – это «отношение между поясняемым и поясняющим компонентами, обозначающими один и тот же денотат» [14, с. 120-121]. В пояснительных отношениях заключается основной смысл – тождество. Исследователи отмечают важную особенность: общая денотативная отнесенность «устанавливается только самим говорящим» [8, с. 64]. Например, в предложении: *Первая добродетель чистого немца и мать всех немецких добродетелей – уживчивость, иначе сказать – космополитизм* (Кондратий Биркин (П. П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга третья (1871)) [4]; *уживчивость и космополитизм тождественны только с точки зрения говорящего.*

Кроме термина «пояснение» в современной русистике используется еще термин «переформулирование», который также применяется по отношению к семантическим структурам, описывающим «один предмет или одну ситуацию с сохранением тождества денотативных

областей соединяемых элементов» [3, с. 49]. На наш взгляд, этот термин характеризует процесс, отражающий действие говорящего, и результат этого действия. По нашему мнению, для указания на цель переформулирования больше подходит термин «корректировка» [15, с. 192].

Как показала А.Ф. Прияткина, повторное обозначение может иметь разные цели и, следовательно, разные средства выражения [8, с. 65-67]. Для достижения этих разных целей говорящий может использовать разные семантические разновидности пояснительной конструкции с разными семантическими типами служебных слов.

Целью повторного обозначения может быть введение другого, нового, наименования, или более точного наименования, или введение более понятного, чем первое, наименования.

С помощью служебной единицы *иначе* в пояснительной конструкции прежде всего вводятся просто другие наименования, которые и первые наименования обозначают одну и ту же ситуацию или предмет.

Введение другого наименования часто сопровождается повтором лексики, например: *И я, не имевший возможности изучить эту ритуальную премудрость, все же позволю себе предложить гипотезу о том, как возник кровавый навет, иначе сказать – кровавая клевета* (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)) [4]; *Задача – увидеть человека в его целостности, цельности, иначе говоря – увидеть в человеке общечеловеческое* (С. Оробий. Жанровый Протей // «Знание-сила», 2013) [4]; *А для такой концепции (от неточной по определению истории) нужна максимально возможная точность, или, иначе говоря, максимально возможная правда* (РИА Новости, 2006.01.16) [4]; *Интересно и отсутствие предлога «в»: не философия в России второй половины XX века, а философия России, то есть, иначе говоря, российская философия* («Знание – сила», 2009) [4].

При введении компонент без повтора поясняемое наименование заменяется другим наименованием для более точного выражения мысли например: *Дело, в сущности, идет не о Сербии, а о гегемонии в Европе, иначе сказать, о попытке Берлина, авангардом которого является Вена, диктовать свою волю великим и малым державам* («Русское слово», 1914) [4]; *И руками будут разводиться, и на счетах подсчитывать, и зубами греть, и со слезами вспоминать, и все равно ни конца ему нет, ни краю, потому что он был равен Человеку, то есть иначе сказать – Вселенной* (Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)) [4].

Характерно введение термина-дублета: *Относительное местоимение (или, иначе, союзное слово) в придаточном входит в анафорическую связь со своим антецедентом в главном предложении* (Е.В. Падучева, А.А. Зализняк. Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ (1979)) [4]; *С этой же побочной целью многие любят приготовить холодец, или, иначе говоря, студень, – типично зимнее блюдо, чрезвычайно калорийное* («Столица», 1997.12.08) [4]; *Не менее опасное заболевание – болезнь Лайма, иначе боррелиоз* (Комсомольская правда, 2006.06.24) [4]; *Дергач, иначе коростель – болотная птица, средняя между перепелом и водяной курочкой* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875-1881)) [4].

Типичным случаем является замена официального, отвлеченного или специального названия (термина) или имени разговорным, более понятным или приближенным к обычной жизни адресата. Приведем примеры, иллюстрирующие эту замену: *Раньше здесь находился знаменитый Театр Секретарева, иначе – "Секретаревка", ставшая фактически колыбелью русской театральной школы* (Комсомольская правда, 2013.07.27) [4]; *За три месяца до этого в добавление к буллезной эмфиземе у нее случился пневмоторакс, иначе говоря, разрыв лёгочной ткани с выходом воздуха в плевральную полость* (Д. Ивенский. Легко ли пересадить лёгкие? // «Наука и жизнь», 2008) [4]; *Поэтому основная цель политики Вашингтона на ближайшие десятилетия – «экспорт нестабильности», или, иначе говоря, травливание народов, с постоянными демонстративными наказаниями «плохих» (выбранных по принципу большей независимости) и некоторым поощрением «хороших»* («Спецназ России», 2003.04.15) [4].

И наоборот, возможна замена общедоступного наименования специальным наименованием, например: *В первом случае СМИ могут притязать на то, чтобы быть самостоятельным субъектом влияния или, иначе говоря, «четвертой властью»* («Отечественные

записки», 2003) [4]; *Но она — благо для умершего, вода для мертвецов или, иначе говоря, вода «мертвая»* (В.Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)) [4]; *В значительной мере, согласно представленным на «круглом столе» данным Международного университета, различия между группами предпринимателей или, говоря иначе, частями «богатого сословия»* («Эксперт», 1995.07.25) [4].

Кроме того, с помощью изучаемых служебных сочетаний выражаются отношения тождества между компонентами, называющими явления, которые приравниваются друг к другу только в конструкции, например: *В отличие от экономики деспотизма, хозяйство здесь оказалось способно к экономической экспансии. Иначе говоря, к расширенному воспроизводству национального продукта* («Знание – сила», 2009) [4]; *Свобода в смысле демократическом есть право власти политической, или, иначе сказать, право участвовать в правлении государством* (К. П. Победоносцев. Московский сборник (1896)) [4]; *Только время, или – иначе говоря – только порыв новых поколений в поисках неиспользованных путей – сделает однажды молодого чужестранца Изу столь же значительным, как сегодняшний Пикассо* (Ю.П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)) [4]; *Но если это так, то эволюция это не просто эволюция симбиоза, но у этой эволюции есть программа, то есть, иначе говоря, постоянное воздействие силы, энергии, нарушающей равновесие белка, но не разрушающей сам белок* (М. Анчаров. Самшитовый лес (1979)) [4].

В процессе описания семантических разновидностей пояснительной конструкции со служебным словом «точнее» мы обнаружили их новую разновидность – отношение контраста. Контраст проявляется в том, что второе обозначение представляет ситуацию как прямо противоположную той, которая обозначена первым компонентом [15, с. 193-194] Отношение контраста между членами пояснительных конструкций выражается с помощью отрицательной частицы *не* или лексики, которая имеет антонимическую семантику. Например: *«Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода», – или, иначе сказать, «мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества»...* (Г.Флоровский. Пути русского богословия (1936)) [4]; *В результате этого исследования установлено, что вступление метильного радикала в триметиленовое кольцо **понижает** его прочность, или, иначе, **повышает** его способность к размыканию* (А.Е. Арбузов. Краткий очерк развития органической химии в России (1948)) [4] – антонимы: *понижает* – *повышает*.

Таким образом, синтаксическая специфика служебных сочетаний на базе *иначе*, выражающих пояснительные отношения, заключается в том, что они функционируют как аналог союза или конкретизатор при союзах в разных типах конструкций: РЯД, МСК, СП, а также выполняют функцию текстовой скрепы.

Семантическая специфика названных единиц заключается в том, что они самостоятельно или в сочетаниях с союзами выражают семантическую разновидность пояснительных отношений – тождество, которое понимается как повторное обозначение для введения нового или более точного наименования. На отношение тождества может накладываться семантика контраста. Все конкретные проявления данного отношения реализуются с помощью лексики или контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Гурьев, А.С. Прагматические и когнитивные аспекты переформулирования / А.С. Гурьев // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 2018. – № 1. – С. 150–164.
3. Инькова, О.Ю., Гурьев, А.С. К вопросу о категории пояснения в русской грамматике / О.Ю. Инькова, А.С. Гурьев // Русский язык а научном освещении. – 2018. – № 1 (35). – С. 46–73.
4. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html>.

5. Прияткина, А.Ф. Конструкции с пояснительными союзами / А.Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции): Избранные труды. – Владивосток, 2007. – С. 180–188.
6. Прияткина, А.Ф. Об отличии союзов от других связующих слов / А.Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): Избранные труды. – Владивосток, 2007. – С. 151–157.
7. Прияткина, А.Ф. Пояснение как синтаксическая категория / А.Ф. Прияткина // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию. Сб. статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной. – Владивосток, 2016. – С.11–18.
8. Прияткина, А.Ф. Пояснительная конструкция / А.Ф. Прияткина // Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 63–79.
9. Прияткина, А.Ф. Ряд как синтаксическая конструкция / А.Ф. Прияткина // Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 44–47.
10. Прияткина, А.Ф. Союз и его функциональные аналоги / А.Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): Избранные труды. – Владивосток, 2007. – С. 157–165.
11. Прияткина, А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (О расширении категории служебных единиц русского языка) / А.Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции): Избранные труды. – Владивосток, 2007. – С. 334–344.
12. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 788 с.
13. Словарь служебных слов русского языка / гл. ред. Е.А. Стародумова. – Владивосток, 2001. – 363 с.
14. Стародумова, Е.А. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие / Е.А. Стародумова. – Владивосток: Изд-во «Дальневост. ун-т», 2005. – 142 с.
15. Чжан, Шо. Разновидности пояснительных отношений в конструкции с аналогом союза точнее / Шо Чжан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – Ч. 1. №7(85). – С. 190–194.

Материал поступил в редакцию 24.04.20

SERVICE UNITS ON THE BASIS OF THE WORD "ИНАЧЕ" EXPRESSES AN EXPLANATORY RELATIONSHIP

Zhang Sho, Graduate Student

Department of Russian Language and Literature of the
Far Eastern Federal University (Vladivostok), Russia

Abstract. *The article considers the structure and functions of service units based on the word иначе, which express explanatory relations. The main purpose of the article is to describe the semantic and syntactic functions of the named units. The novelty of the research is determined by its results. In the course of the work, it is established that the studied units perform the functions of an analog of the Union, a concretizer in different types of structures, and the function of a text staple. With the help of these units, a semantic variety of explanatory relations is formed – the relationship of identity. It is determined that the semantics of contrast are applied to the identity relations in the context.*

Keywords: *the syntax, function words, the analogue of the Union, brace text, design, explanatory relations.*

УДК 81-23

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Джумаева, кандидат филологических наук, старший преподаватель
ХМАО «Сургутский государственный университет», Россия

***Аннотация.** Основная цель исследования – описать лексическую, фонетическую и морфолого-семантическую систему служебно-экспрессивных слов ногайского языка. Научная новизна исследования состоит, в том, что в научный оборот вводятся новые данные по структуре, морфемике, семантике служебно-экспрессивных элементов современного ногайского языка. Вопросы служебных и экспрессивно-выразительной лексики в ногайском языке не изучены. Несмотря на многие вопросы лексикологии ногайского языка требуются дальнейшие исследования. В результате дается характеристика служебно-экспрессивных слов ногайского языка, они сопоставляются с материалом близкородственных тюркских языков.*

***Ключевые слова:** послелог, ногайский язык, служебные слова, семантика.*

1. ПОСЛЕЛОГИ В НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

а) **К собственно-послелогам** ногайского языка относятся следующие: пан, ман «с, вместе»; *уьшин* «для, ради»; *табаган* «к, по направлению»; *шаклы* «около», «столько, сколько»; *бери* «с тех пор, как»; *сайын* «-еже, -каждо-», «по мере того, как» и др. Слова, относящиеся к собственно- послелогам, потеряли свою семантическую и предметную значимость и выделились из общего фонда лексики в значении послелогов. Все они исторически восходят к самостоятельным, знаменательным словам с реальной семантикой и выражают различные синтаксические отношения между членами предложения.

Служебные слова со значениями «для, ради, за».

Послелог – *уьшин* «за, ради, для» (наряду с послелогам *пан*, *ман*) наиболее употребителен в ногайском языке и относится к послелогам очень древнего происхождения.

Послелог *уьшин* ногайского языка в других тюркских языках имеет следующие варианты: древнетюрк.; кум. *учун*; кбалк. *ючюн*, уйг. *учун*, алт. *учун*, кирг. *учун*, тув. *ужун*, якут. *иһин*, тат. *эчен*, чув. *шан//шен*, узб. *учун*, каракалп. *ушын*, башк. *усун*, азерб. *учун*, шор. *учун*, лобнор. *учун*, каз. *юшюн*, караим. *учюн*.

По мнению Н.К. Дмитриева, Н.А. Баскакова, А.Н. Кононова и др., связывающих этимологию послелогам *учун* со словом *уч* «конец, острие».

Послелог *уьшин* может сочетаться почти со всеми частями речи в основном и родительном падежах.

Н.К. Дмитриев отмечал, что по своему управлению послелог *уьшин* не отличается от послелога *пан*, *ман*, т.е. он требует перед собой родительного падежа личных и указательных местоимений и неопределенного падежа остальных имен (1948).

Для ногайского языка характерно сочетание послелога *уьшин* с личными местоимениями III лица множественного числа только в основном падеже.

Круг грамматических отношений, обслуживаемых послелогов *уьшин* обширен. Послелог *уьшин* выражает синтаксическое отношение цели и причины одновременно, различить его можно лишь в контексте.

В семантическом плане послелог уьшин выражает: 1) целевые отношения. У послелого уьшин эти отношения обнаруживаются при сочетании его с причастными, инфинитивными формами глагола, а также отглагольными именными оборотами, выражая при этом как само действие, так и название действия, например: *язув уьшин* «для написания»; *оьзенге барув уьшин* «для того, чтобы пойти на озеро»; *окув уьшин* «для того, чтобы учиться».

Послелог уьшин ногайского языка может сочетаться с III лицом повелительного наклонения, являясь при этом синонимом вспомогательного деепричастия *деп*, например: *барып келсин уьшин // барып келсин деп* «для того, чтобы он сходил».

Имена *на-мас (-мес)* в сочетании с послелогом уьшин обозначают имя действия с отрицательным значением, например: *келмес уьшин* «для того, чтобы не прийти»; *бармас уьшин* «для того, чтобы не пойти»;

2) отношение назначения. В этом случае послелог уьшин служит для указания на предмет, который является поводом для суждений, мыслей, чувств, говоря иными словами, послелог уьшин, сочетаясь с существительными и местоимениями, в большинстве случаев выражает цель, например: *уьстинлик уьшин* «за победу»; *юртум уьшин* «за свое село»; *бизин уьшин* «за нас, ради нас, для нас». В сочетании с существительным *мысал* «пример» послелог уьшин образует вводное слово, например: *мысал уьшин* «к примеру, например».

3) причинные (каузальные) отношения. Это значение у послелого уьшин проявляется при сочетании его с некоторыми именами и формами на *-ган (-ген)*, например: *келген уьшин* «за то, что пришел»; *бармаган уьшин* «из-за того, что не пошел»; *келтирген уьшин* «из-за того, что принес».

Сочетаясь с наречиями времени, послелог **уьшин** выражает промежуток времени, на который рассчитано какое-нибудь действие или какой-нибудь предмет, например: *аксам уьшин* «для вечера»; *эртень уьшин* «для утра».

Послелог уьшин может употребляться и с вопросительными, и с неопределенными местоимениями в основном падеже, выражая при этом и причинные и целевые отношения одновременно, например: *Не уьшин* «Зачем?» «Для чего?» «С какой целью?» «По какой причине?» «С какой стати?»; *Ким уьшин ?* «За кого?»

Сочетаясь с указательными местоимениями *сонынъ, онынъ*, послелог уьшин выполняет функцию союзного слова «поэтому», например: *сонынъ уьшин // онынъ уьшин* «поэтому».

Послелог уьшин может входить и в состав устойчивых словосочетаний: *алла уьшин* «ради бога».

Наряду с полной формой послелого *учун* встречается и краткая диалектная форма – *шин*, которая сливается с предшествующим словом и превращается в аффикс. Послелог уьшин в сочетании с именем может принять следующие аффиксы:

а) вопросительный аффикс *-ма, -ме* который соответствует русской вопросительной частице *ли*: **сонынъ уьшинми ?** «из-за этого ли?»;

б) аффикс прилагательного *-ги*: *окув уьшинги китап* «книга для чтения»;

в) неопределенный аффикс *-дур*: *Солай эткенингиз не уьшиндир ?* «С какой стати вы так сделали?»

Послелог табаган (таба, тебе)

Послелог *табаган* «к, по направлению к, в сторону» в ногайском языке употребляется довольно часто. По предположению Н.А. Баскакова и Н.К. Дмитриева, послелог *табаган* этимологически восходит к глаголу *табув* «находить», точнее к деепричастной форме *таба* «находя»; «*табан* или *таба*, очевидно, деепричастие от глагола *табыу* – находить» [Баскаков 1952, 513; Дмитриев 1952, 125].

Сопоставляя послелог *таба* с его формами в других тюркских языках, а также с формами, встречающимися в буйнакском диалекте кумыкского литературного языка, А.Г. Магомедов приходит к выводу, что по происхождению данный послелог восходит не к глаголу *тапмак*, а к другому слову. Данный послелог имеет следующие варианты в других языках:

башк. *табан* (или *таба*), каз. –*таман*, каракалп. –*таман*, карач.-балк., – *таба*, лобн. *табы*, ног. *таба* (или *тебе*), тат. *таба*, узб. *томон*, уйг. *таман*, ойр. *тоон*, *даан-таан*, *доон-тоон*, *деен-теен*, *доон-тоон* [Дыренкова 1940, 217].

В соседнем кумыкском языке встречаются и другие варианты послелога *таба*, а именно: *табакъ*, *табалакъ*, *табаракъ*, *таман//табан*.

Как отмечает А.Г. Магомедов, узбекский послелог *томон* употребляется не только в послеложном и служебном значениях, но также имеет самостоятельное лексическое значение. Так, у него отмечаются следующие значения: «*Томон* 1) сторона, направление; 2) конец, край; 3) край, страна/ сторона; 4) сторона (напр. в споре или каком-л. деле); 5) в роли послелога, употребляющегося с дательным падежом;... 6) роли служебного имени....»

Таким образом, пишет А.Г. Магомедов, послелог *таба* кумыкского языка по своей этимологии восходит к когда-то самостоятельному слову *табан/таман*, которое в своем историческом развитии потеряло лексическое значение и превратилось в послелог. Но, как было сказано выше, послелог *таба* в буйнакском диалекте кумыкского языка имеет еще формы *табакъ*, *табалакъ*, *табаракъ*. Процесс образования этих форм послелога А.Г.Магомедов объясняет следующим образом. В кумыкском языке (как и в других языках тюркской системы) имеется синонимическое к слову *томон* узбекского языка слово *як*, которое в определенный период слилось со словом *табан* и дало форму *табан йакъ*. В дальнейшем в слове *табанйакъ* краткий *-й-* в слабом положении выпадает, под влиянием предшествующей гласной *б* переходит в *л*, давая форму *табалакъ*, от которой в свою очередь получилась усеченная форма *табакъ* [Магомедов 1966, 28-29].

По нашему мнению, узбекская основа *томон*, несомненно имеет этимологическую связь с ногайским послелогом *таба*. В отличие от предыдущих исследователей, мы полагаем, что указанные слова восходят к глагольному источнику, но не к глаголу *тапмакъ*, как предполагали Н.К. Дмитриев и Н.А. Баскаков, а к глаголу *тап-//даб-* «переходить, направляться», следы этого глагола сохранились в киргизском *даван//дабан* «перевал, переход» → *направление. Э.В. Севортян в своем этимологическом словаре тюркских языков приводит кирг. *даван/дабан* «перевал», а также исходный глагол *дава-//даба-* «переваливать через гору, переходить» (Севортян 1980, 112). В этом аспекте узбекская основа *томон* «сторона» является, по нашему мнению, вторичным семантическим развитием пратюркского *даван//дабан*.

Послелог *таба* ногайского языка может сочетаться почти со всеми частями речи, кроме глагола (за исключением формы причастия), в дательном-направительном и исходном падеже, выражая при этом различные пространственные отношения.

Сочетаясь с именами в дательном-направительном падеже, послелог *таба* обозначает:

а) направление: *юртка таба* «по направлению к селу», *таба* «по направлению к городу»;

б) отрезок времени, к которому должно быть совершено или уже совершилось какое-либо действие: *аксамга таба* «к вечеру»; *эртеньге таба* «к утру»;

в) указывает на место, откуда исходит действие, т.е. показывает направление действия изнутри какого-либо предмета наружу: *юрттан таба* «со стороны села»; юрттынъ *ишиннен таба* «изнутри села».

При сочетании послелога со словами *ал*, *арт*, *тюп*, *иш*, *уьст* и др. в исходном падеже *таба* выражает направление действия в зависимости от лексического содержания того или другого слова и выполняет функцию наречия места, например: *ишиннен таба* «изнутри», *уьйдинъ туьбинден таба* «из-под дома»; *Уьст яктан таба* «сверху»; *иш яктан таба* «изнутри», *уьсттен таба* «сверху», *иштен таба* «изнутри», *оьрден таба* «сверху», *арттан таба* «сзади», *алдыннан таба* «спереди», *ортасыннан таба* «из середины».

Послелог *себели*

Этот послелог употребляется в том же значении, что и послелог *ушин*, выражая отношения цели, причины и следствия.

Этимологически послелог *себенли* восходит к заимствованному из арабского языка слову *себен* < (*сабаб-ун*) со значением «причина, повод» + словообразовательный аффикс – *ли*.

В других тюркских языках послелог *себенли* выступает в следующих фонетических разновидностях: карач.-балк. *себебли*, каракалп. *себенли*, тат. *сэбэпле*, кум. *себенли* и др.

Послелог *себенли* может употребляться с большинством частей речи в основном падеже и формами глагола на –*ган*, –*ген* и в основном выражает причинно-следственные и целевые отношения: а) послелог сочетается с местоимениями: *мен себенли* «из-за меня», *сен себенли* «из-за тебя», *о себенли* «из-за него», *биз себенли* «из-за нас», *сиз себенли* «из-за вас», *олар себенли* «из-за них».

б) с формой –*як* в притяжательной форме: *болаяк себенли* «из-за того, что будет»; *келеек себенли* «из-за того, что придет»; *алаяк себенли* «из-за того, что возьмет» и т. д.

в) с именами существительными в основном падеже: *ис себенли* «по причине работы»; *китап себенли* «из-за книги» и т. д.

В ногайских диалектах встречается еще форма послелого *себентен*, состоящего из слова *себен* «причина» и аффикса исходного падежа –*ден*, которая сочетается только с вопросительным местоимением *не?* и выражает причину, например: «*Не себентен?*» «По какой причине?».

Служебное слово *шаклы* со значениям «размером с... ; около (о времени); равно; пока ; столько, сколько...; до такой степени, что...»

Ногайский послелог *шаклы* имеет в других тюркских языках морфологические варианты *чакъы*, *чаклы*. У.Б. Алиев отмечает, что «Происхождение *чакъы* идет от слова *джакъ* – «сторона, сторонник», когда мы говорим «*терек чакълы*», имеем в виду смысл «сторона дерева», «по размерам как дерево», «достигающее дерево» [Алиев 1972, 261].

По мнению А.М. Магомедова, этимологию данного послелого можно связывать со словом *чакъ* «1. погода; 2. время».

Послелог *чакъы* образовался в результате присоединения к полнзначному слову *чакъ* аффикса принадлежности 3-го лица –*ы*.

Чакъы имеет свой фонетический вариант – *чеки*, но в кумыкском языке форма –*чеки* не находит своего самостоятельного применения и пишется слитно с указательными местоимениями, например: *шюнчеки*, *шинчеки* «маленький, малюсенький».

В других тюркских языках *чакъы* имеет следующие фонетические варианты: каз. – *шахты*, карач. – *чакълы*, башк. – *саклы*, тат. – *чакълы* и др.

Послелог *шаклы* может употребляться с существительными: *тав шаклы* «размером с гору», *аьдем шаклы* «размером с человека», *тенъиз шаклы* «размером с море», *уй шаклы* «размером с дом». Причем существительные могут быть оформлены показателем множественного числа: *аьдемлер шаклы* «размером с людей», *тенъизлер шаклы* «размером с морей»; субстантивированными именами: *экев шаклы* «размером с двух (людей)», а также местоимениями: *мен шаклы* «размером с меня»; причастными и инфинитивными формами глагола, наречиями, а также со словами *бар* «есть» = *бар шаклы* «пока есть», *йок* «нет» = *йок шаклы* «пока нет», выражая при этом различные значения и отношения.

Послелог *шаклы* может сочетаться с именами во всех падежах, кроме винительного и исходного: исх. п. *ийт шаклы* «размером с собаки»; род. п. *аьдемнинъ ийти шаклы* «размером с собаки, человека»; дат. п. *юртка шаклы* «размером, охватом на все село», местн. п. *беш юртта шаклы* «столько, сколько есть в пяти селениях». При сочетании послелого с существительными и местоимениями в основном падеже послелог *шаклы* указывает на размер одного предмета в сопоставлении с размером другого.

При сочетании с существительными во временном значении послелог *шаклы* обозначает время, с которым сравнивается другое время и передается в русском языке словами *казать* – *показаться* и *предлогами около*, с: *ай шаклы турув* «проживать около месяца», *йыл шаклы шилев* «работать около года», он *куьн шаклы коьринуьв* «показаться, что прошло десять дней».

При сочетании с местным падежом имен послелог шаклы вместе с тем словом, с которым сочетается, указывает на наличие такого количества или размера у одного предмета, которое свойственно другому предмету: *обгубз шаклы кубш* «сила, равная силе быка».

Послелог шаклы сочетается со словами *бар*, *йок*, некоторыми наречиями, а также с некоторыми устойчивыми фразеологическими сочетаниями, указывая на какую-либо наивысшую степень качества или признака, которым владеет предмет: *сав шаклы* «пока он жив»; *бар шаклы* «пока есть»; *кушю бар шаклы кыямет кубн шаклы* «очень большой»; *туьк шаклы зат* «ничего незначащая вещь, мелочь».

Послелог шаклы с указательными местоимениями пишется слитно: *муншаклы*, *соншаклы*, *оншаклы* «столько».

Послелог баска «кроме, помимо» является синонимом послелогов *обзге*, *обньге* и относится к употребительным послелогам ногайского языка.

По своему происхождению послелог баска восходит к древнему слову бас «голова» [Будагов 1871, 777]; на современном этапе развития ногайского языка этот послелог потерял свою лексическую значимость и употребляется только в значении послелога.

Послелог баска, как и синонимичные с ним послелог *обзге*, *обньге*, может сочетаться с именами существительными, местоимениями, прилагательными, числительными, а также некоторыми формами глагола и наречиями в исходном падеже, выражая при этом обособление, отделение, исключение предыдущего предмета от последующего: *меннен баска* «кроме меня», *сеннен баска* «кроме тебя», *бизден баска* «кроме нас», *сизден баска* «кроме вас», *олардан баска* «кроме них»; *сэйлевден баска* «кроме разговора», *ислегеннен баска* «кроме того, что он работает», *келгеннен баска* «кроме того, как он приходил».

Послелог **баска** в ногайском языке имеет и самостоятельное лексическое значение, также как и в других тюркских языках, например, в каракалпакском, ср. баска «1) иной, другой; 2) чужой, посторонний».

Служебные слова играют значительную роль в строении предложений. Проблемы изучения служебных слов ногайского языка сложны. Экспрессивно-выразительные слова ногайского языка находятся в состоянии постоянного развития в своей семантической структуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскаков, Н.А. Ногайско-русский словарь / Н.А. Баскаков. – М., 1963.
2. Баскаков, Н.А. Тюркские языки / Н.А. Баскаков. – М., 1960.
3. Баскаков, Н.А. Каракалпакский язык. 11. Фонетика и морфология. ч. 1 / Н.А. Баскаков. – М., 1952.
4. Баскаков, Н.А. Ногайский язык и его диалекты / Н.А. Баскаков. – М.-Л., 1940.
5. Булгарова, М.А. Ногайская топонимия / М.А. Булгарова. – Ставрополь, 1999.
6. Гаджиева, Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры в тюркских языках: автореф. ... дис. д-ра филол. Наук / Н.З. Гаджиева. – М., 1970.
7. Исенгалиева, В.А. Служебные имена и послелог в казахском языке / В.А. Исенгалиева. – Алма-Ата, 1957.
8. Кадыраджиев, К.С. Проблемы сравнительно-исторического изучения кумыкского и других тюркских языков / К.С. Кадыраджиев. – Махачкала, 1998.
9. Кадыраджиев, К.С. Исконная лексика кумыкского языка (с точки зрения ее происхождения): автореф. дис. ... канд. филол. Наук / К.С. Кадыраджиев. – М., 1981.
10. Кадыров, Р.С. Лексикология турецкого языка / Р.С. Кадыров. – Махачкала, 2001.
11. Кидирниязова, М.Г. Полисемия в ногайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Г. Кидирниязова. – Махачкала, 2003.
12. Ольмесов, Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология / Н.Х. Ольмесов. – Махачкала, 1997.
13. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н.М. Шанский. – М., 1959.
14. Шихмурзаев, Д.М. Фразеологический словарь ногайского языка / Д.М. Шихмурзаев. – Черкесск, 1991.

Материал поступил в редакцию 24.04.20

FUNCTION WORDS IN THE NOGAI LANGUAGE

A.A. Dzhumaeva, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
Surgut State University of KhMAO, Russia

***Abstract.** The main goal of the study is to describe the lexical, phonetic and morphological-semantic system of service-expressive words of the Nogai language. The scientific novelty of the research consists in the fact that new data on the structure, morphemic, semantics of the service-expressive elements of the modern Nogai language are introduced into the scientific circulation. Questions of official and expressive vocabulary in the Nogai language have not been studied. Despite many questions of the lexicology of the Nogai language, further research is required. As a result, the characteristic of the expressive words of the Nogai language is given, they are compared with the material of closely related Turkish languages.*

***Keywords:** postposition, Nogai language, service words, semantics.*

УДК 811.351.32

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТИЦЫ *БЕС* В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

М.К. Рамазанова, аспирант
ФГБОУ ВПО Дагестанский государственный
педагогический университет (Махачкала), Россия

***Аннотация.** Описываются функционально-семантические особенности частицы бес в лезгинском художественном тексте. Материалом исследования служит роман А. Курбанова «Гъай тахъай гъарай». Подчеркивается необходимость изучения особенностей функционирования частицы бес в разговорной речи, воплощенной в монологических и диалогических фрагментах текста. Из проведенного анализа можно сделать вывод о том, что, частица бес по семантическому объему обнаруживает различного рода особенности.*

***Ключевые слова:** частица, художественный текст, функционально-семантические особенности частиц.*

Употребление частиц в речи всегда неразрывно связано с прагматической стороной языкового общения, отражая особенности функционирования какого-либо языка. Отличительные признаки употребления частиц характеризуют каждую национальную культуру, а также те речевые культуры, которые выделяются внутри всего национального языка. Частицы вносят различные смысловые оттенки, как в предложения, так и в сочетания слов. Они также выражают в предложении отношение говорящего к описываемой ситуации, к высказыванию адресата или своему собственному.

Целью настоящего исследования было выявить функционально-семантические особенности частицы *бес*, присутствующей в диалогической и монологической речи героев, на примерах, извлеченных методом сплошной выборки из лезгинского художественного текста.

Особое внимание в исследовании было уделено анализу создаваемых частицей эмоциональных оттенков, играющие в свою очередь значительную роль не только в усилении и выделении конкретных частей какого-либо предложения, но также подчеркивающие особенности характера, поведения говорящего.

Материалом исследования служит роман А. Курбанова «Гъай тахъай гъарай» («Безответный зов»), содержащий много диалогов и монологов, представляющих собой наиболее естественный контекст употребления частиц. Роман А. Курбана насыщен различными модальными частицами, причем частица *бес* очень часто повторяется в тексте. Обилие и разнообразие частиц в произведении является отличительной чертой этого писателя, что позволяет нам сказать о манере их использования, об особенностях функционирования частиц в романе.

Прежде чем рассмотрим функциональные особенности частицы *бес*, подробно остановимся на самом понятии «частица». Б.Б. Талибов описывает частицы как «служебные слова, которые служат для выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или же предложения» [6, с. 587].

По мнению Р.И. Гайдарова, в класс частиц как части речи входят служебные слова, выражающие отношение действия (состояния) к действительности или же отношение говорящего к сообщаемому. Выражая указанные отношения, частицы придают лексическим или же синтаксическим единицам различного рода добавочные оттенки и значения [4, с. 138].

Роман А. Курбанова «Гъай тахъай гъарай» отличается разнообразием частиц, многообразием создаваемых ими эмоционально-экспрессивных оттенков значений, а также многообразием выполняемых ими функций. Присутствие частиц в диалогической и в монологической речи внутри романа позволяет сделать определенные выводы относительно персонажей, стоит лишь обратить внимание на то, что именно и как именно они выделяют в своей речи. Обилие и разнообразие частиц в произведении является отличительной чертой этого писателя, что позволяет нам сказать о манере их использования, об особенностях функционирования частиц в романе.

Одной из самых часто используемых автором частицы в данном романе является частица *бес* «разве, же». По характеру своего функционирования одна и та же частица в лезгинском языке может выступать в разных значениях [3, с. 247]. Частица *бес* по своему семантическому объему тоже является многозначной. Она может употребляться в нескольких значениях: утверждение, акцентирование, уступительность, противопоставление, даже вопрос. В анализированных далее примерах можно наглядно увидеть диапазон функционирования частицы *бес*.

Частица *бес* помогает автору умело описывать переживания героя, состояния его души, употребляя его во внутреннем монологе и диалоге главного героя, где он размышляет о доле народа, о его угнетенном положении, о вечной борьбе за справедливое общество, за счастье. Фраза «*Бес гила вучда?*» («*Что же теперь делать?*»), которая несколько раз повторяется в романе, помогает автору раскрыть свою тайну, заветную мысль: надо бороться за свободу.

Также частица *бес* в произведении употреблена в риторических вопросах, выражая эмоции неодобрения, осуждения, чтобы сосредоточить внимание читателей к трагической судьбе народа, тяжелым условиям жизни. При помощи риторических вопросов автор задает эмоциональный тон произведению. Главный герой романа часто повторяет одни и те же риторические вопросы, осуждая строй жизни, что позволяет автору сделать акцент на несчастной судьбе людей: *Бес ам рикIелай алатдай дерт яни?! «Разве это горе забудется?» Бес вучда?! Бес им чи, уьзденрин, кылиз гапур вегьей мисал тушни?! «Что же делать? Разве это не означает, что нас ударили кинжалом по голове?»*

Автор использует риторические вопросы, на которые сам же дает ответ. Здесь вопрос задается не для того, чтобы читатель ответил, а для привлечения его внимания к трагической судьбе народа, его забитости, тяжелым условиям жизни: *Бес Гъажимет ханни куь кавха Варазан ва Мурсал хан сад-садав гекъигиз жедани?! Ваъ! «Разве можно сравнить друг с другом хана Гаджимета с кавхой Варазан и Мурсал ханом? Нет!»*

Частица *бес* осложняет вопрос оттенком недоверия, неуверенности, сомнения, удивления: **недовольство:** *Бес за ваз чан лугьудани? - гъарайна эмирди. «Мне тебя приласкать? - закричал эмир»;* **сомнение:** *Вичин гафунал Къулибегни тажуб хъанвай: «Бес завай зи гаф кылиз акъудиз жедачни?» «Кулибег сам тоже удивился тому, что сказал: Разве я не смогу сдержать свое слово?»;* **удивление:** *Бес квез Ялахърикай са ванни хъаначни? Бес ваз гъикI чир хъана? «Разве вы ничего не слышали о Ялах? Как же ты узнал?»;* **предчувствие плохого:** *Бес геж вучиз жезва? «Почему же опаздывают?»;* **получить с его стороны согласие или одобрение:** *Бес абуру чи цIикъвед касни тукIуначни?- яваидиз рикIел хкана Султана. «Разве они не зарезали наших двенадцать человек?- спокойно напомнил Султан».*

Восклицательные предложения с частицей *бес* могут выражать переживания говорящего: восторг, ирония, презрение, сомнение, гнев, страх, ужас, упрек: **ирония:** *Бес имни уьмуьр хъанач эхир! - Саида хуьширеканар куьрс хъанвай кIвал къалурна. «Это тоже ведь не жизнь же! - Саид показал дом с висящей паутиной»;* **гнев:** *Бес ви хуьруьнвийри, иллаки ви хци чаз ийизвай гужсар душмандилай алакь тийидайбур я эхир! «Твои односельчане же, особенно твой сын, делают такое, на что даже враг не способен!»;* **упрек:** *Бес вун хуьре авай эхир! «Ты же был в селе!»;* **восторг:** *Бес шегьерни зурба я эхир! «Ведь и город огромен же!»;* **страх:** *Ида бес пака зазни инай квахь лугьудачни?! «Разве он завтра и мне не скажет, убирайся?!»;* **негодование:** *Им ашукь, им эмир, им виридаз истеклу кас...Бес зун вуьж я?! «Этот*

ашуг, этот эмир, это всеми уважаемый человек... А кто же я?»; **сожаление:** *Бес яр авачир Къирасуфан гьал гьикI хъуй?! – Саидан чин бирдан атIугъна «Что же будет с Кирасуфом без возлюбленной?»*.

Частица бес в сочетании побудительной частицы *тIун* может выражать и приказ: *ТуштIа, Къуръандал кьин яхъ тIун бес! - Саида фекъидин вилера вилер атIумарна. «Если не так, поклянись же на Коране!- Саид посмотрел в глаза мулле» Лагъ тIун бес! «Скажи же!»*.

Частица бес употребляется для передачи чужой речи: *Киривиди мад лугъузвай, бес Аслан хандиз абурун мулкар бегенмиш хъанва. «Кириви еще говорил, что Аслан хану понравились их земли». Инал са кавхади лагъанай, бес Къази-Къумухдин ханар Урусатдик экечIзавач. «Здесь один кавха говорил, что Ханы Кази – Кумуха присоединяются к России»*.

Примеры с частицей бес, которые очень хорошо показывают эмоциональное состояние главного героя, овладевшего им после болезненных воспоминаний: **огорчение:** *Бес Къилегърин кIвал-югъ, ватан барбатI хъана эхир. «А как же дома Килехов, родина уничтожилась ведь»*;

подчеркнуть чью-либо исключительность: *Бес вазни лугъун тавурла, за низ лугъун? – Саид вичин векъивилин гъавурда акъуна. «Если и тебе не говорить, то кому я скажу? - Саид понял свою грубость»*; **растерянность героя:** *Зун абуруз гила бес гьикI килиг хъийида?! «Теперь как же я посмотрю им в глаза?»*; **сомнение:** *Бес чун вужар я? «А кто же мы?»*.

Из данного исследования можно сделать выводы о том, что, частицы по-разному наполняют речь каждого отдельно взятого человека, подчеркивая определенные черты говорящего или наоборот их отсутствие. Такое обилие в тексте выбранного произведения частицы бес может говорить о мятежной душе героя, его оценках происходящих событий, а также эмоциональных настроениях, свойственных его возрасту. Это все помогает читателю невольно обращать особое внимание на речи, которые содержат частицы, что в итоге помогает лучше понять каждого героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов, Къ.Х. «Гъай тахъай гъарай» («Безответный зов») Роман / Къ.Х. Акимов. – Махачкала, 2008. – С. 312.
2. Гаджиев, М.М. Русско-лезгинский словарь / М.М. Гаджиев. – Махачкала, 1950. – 967 с.
3. Гайдаров, Р.И. Современный лезгинский язык / Р.И. Гайдаров, А.Г. Гюльмагомедов, У.А. Мейланова и др. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. – 482 с.
4. Гайдаров, Р.И. Морфология лезгинского языка / Р.И. Гайдаров. – Махачкала: РИО ДГУ, 1987. – 164 с.
5. Гюльмагомедов, А.Г. Лезги чIалан словарь. I том Iктаб / А.Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. – 472 ч.
6. Талибов, Б.Б. Лезгинско-русский словарь / Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев. – Махачкала: Советская энциклопедия, 1966. – 603 с.

Материал поступил в редакцию 03.04.20

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE *бeс* PARTICLE IN THE LEZGIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE ARTISTIC TEXT)

M.K. Ramazanova, Graduate Student
FSBEI of HPE Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala), Russia

***Abstract.** Functional and semantic features of the *бeс* particle in the Lezgian literary text are described. The research material is A. Kurbanov's novel "Гъай махъай гъарай". The author emphasizes the need to study the features of the functioning of the *бeс* particle in spoken speech, embodied in monological and Dialogic fragments of the text. From the analysis performed, it can be concluded that the *бeс* particle reveals various kinds of features in terms of semantic volume.*

***Keywords:** particle, artistic text, functional and semantic features of particles.*

UDC 8

WHAT ARE THE NAMES OF HOMOSEXUAL WOMEN AND HOMOSEXUAL MEN IN CONTEMPORARY POLISH?

A.S. Dyszak, Prof. Doctor Hab., Full Professor
Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz), Poland

Abstract. *Changes in naming of homosexual women and men can be seen by examining and comparing the contents of basic definitional dictionaries of Polish language from the last 50 years, as well as colloquial Polish language dictionaries, including online dictionaries of the colloquial Polish language and slang. Can be observed numerous differences in definitions and qualifiers of the names homosexual women's and men's in the above cited dictionaries. Only the nouns homoseksualistka, lesbijka, safonka and trybada should be considered strictly standard names of homosexual women (safonka and trybada – as it seems – are rarely used names). For example, the noun lesba is the colloquial and contemptuous name for lesbian. It seems that the commonly used today the name of homosexual men is gej, which displaces words homoseksualista and pederasta from the standard Polish language. A clear majority of pejorative names as eg. pedał (including contemptuous and offensive names) show negative attitude of language users to homosexual men.*

Keywords: *names of homosexual women, names of homosexual men, standard Polish, colloquial Polish, LGBT slang.*

1. Introduction

The aim of the article is to discuss the changes in the naming of homosexual women and men that have occurred in the standard Polish and its colloquial variation over the last 50 years. The sources of data used in the research are mainly Polish dictionaries, both printed as well as the latest lexicographic data available on the Internet.

Data illustrating the standard Polish version were retrieved from the following general (definition) dictionaries: the *Polish Language Dictionary*, edited by Witold Doroszewski, from the years 1958-1969 (SJPD), the *Polish Language Dictionary*, edited by Mieczysław Szymczak, from 1978–1981 (SJPSz), the *Dictionary of the Contemporary Polish Language*, edited by Bogusław Dunaj, from 1996 (SWJP), a 50-volume *The Practical Dictionary of the Modern Polish*, edited by Halina Zgólkowa, from 1994–2005 (PSWP), *The Another Polish Language Dictionary*, edited by Mirosław Bańko, from 2000 (ISJP), *The Universal Polish Language Dictionary*, edited by Stanisław Dubisz, from 2003 (USJP), and available online *The Great Polish Language Dictionary*, edited by Piotr Źmigrodzki (WSJP), which was initiated in 2007 and is successively supplemented.

Colloquial Polish data were gleaned from printed dictionaries, such as: *The Dictionary of the Argotisms* by Stanisław Kania, from 1995 (SA), *The Dictionary of the Colloquial Polish* by Janusz Anusiewicz and Jacek Skawiński, from 1996 (SPPAiS), *The Dictionary of the Colloquial Polish Lexems*, edited by Władysław Lubaś, published since 2001 (SPLP), two dictionaries by Maciej Czeszewski: *The Dictionary of the Youth Slang*, from 2001 (SSM), and *The Dictionary of the Colloquial Polish*, from 2006 (SPPCz), and *The Total Dictionary of the Youngest Polish* by Bartek Chaciński, from 2007 (TSNP). In addition to these lexicographic data, the following accounts were

also included: a glossary by Robert Biedroń, from 2007, titled *The Gay and Lesbian Slang*¹ (GLS), and some Internet dictionaries, such as *City. The Dictionary of the Colloquial Slang and Speech*² (MSSiMP), *The Dictionary of the Polish Slang*³ (SPS), and the Internet service *Vasisdas. The Slang – The Neologisms – The Colloquial Speech*⁴ (VID).

2. The names of homosexual women⁵

2.1. The standard Polish

On a general note, in the older dictionaries of the general Polish (SJPD, SJPSz), only the name *lesbijka* [lesbian] was noted (without any qualifications). Interestingly, the situation is similar in the newer dictionaries (ISJP and USJP), while in the SWJP (earlier than the ISJP and the USJP), in addition to *lesbijka*, there is also the derivative noun *lesba* [augmentative form of *lesbijka*]. More relevant entries can be found in the PSWP. Both names noted in the dictionaries listed above (*lesbijka*, *lesba*) and the names absent in them can be encountered in the PSWP: *homoseksualistka* [homosexual woman] (absent in earlier dictionaries probably due to the regular word formation links with the noun *homoseksualista* [homosexual man]), *lesbija*⁶ [augmentative form of *lesbijka*], *safonka* [sapphist] and *trybada* [tribadic woman]. In the WSJP, the nouns *lesbijka*, *lesba*⁷ and *homoseksualistka* are also mentioned.

It is important to note, however, that there are some differences in the way these names are defined. The definition of the meaning of the noun *lesbijka* in the SJPD (2. «kobieta mająca stosunki miłosne z inną kobietą» [a woman who has love relationships with another woman]) clearly camouflages the sexual preferences of lesbians: the adjective *miłosne* [love] is ambiguous, even though the definition of its meaning is also encoded by the adjective *erotyczny* [erotic], whose meaning is associated with sexual love⁸. Interestingly enough, such (erotic) nature of lesbian love (recognizing the love as a perversion) is mentioned in the same dictionary in the definition of the meaning of the noun *safizm* [lesbian love], cf. «zбочenie płciowe wyrażające się w pociągu erotycznym kobiety do kobiety; miłość lesbijska» [a sex perversion expressed in the erotic attraction of one woman to another woman; lesbian love]. In the SJPSz, the meaning of the noun *lesbijka* is already related to sexuality, cf. 2. «kobieta, której popęd płciowy jest skierowany ku innym kobietom» [a woman whose sex drive is directed towards other women]. This definition was repeated in the USJP, yet the noun *lesbijka* was classified there as a psychological term. Compared to the SJPSz and the USJP, the relevant definitions in the ISJP and the WSJP contain minute formal differences, cf. *Lesbijka to kobieta, która odczuwa popęd płciowy do innych kobiet* [Lesbian is a woman who has a sex drive towards other women] (ISJP), and ‘kobieta, którą pociągają seksualnie inne kobiety’ [a woman who is sexually attracted to other women] (WSJP). Contrary to the above dictionaries, the following definitions of the meaning of *lesbijka* clearly indicate the relationship between the name and the sphere of sex: ‘kobieta mająca **stosunki płciowe** z inną kobietą, odczuwająca popęd ku przedstawicielkom własnej płci, uprawiająca miłość lesbijską’ [a woman who has **sexual relations** with another woman, who has a desire for representatives of her own sex, who practices lesbian love] (SWJP) and ‘kobieta, która **uprawia seks** z innymi kobietami, która odczuwa popęd płciowy w stosunku do kobiet’ [a woman who **has sex** with other women, who feels sex drive towards women] (PSWP). In the case of the noun *homoseksualistka* (female), the derivation of the name from the noun *homoseksualista* (male) is indicated, and its meaning is defined either as ‘kobieta, która kieruje popęd płciowy do kobiet unikając kontaktów seksualnych z mężczyznami’ [a woman who directs sex drive to women avoiding sexual contacts with men] (PSWP), or identically to the meaning of the noun *lesbijka* (WSJP; see above). The meaning of the noun *safonka* is only noted in the PSWP (there the information about its derivative from the name of the Greek poet *Sapphó* is mentioned). It is defined in a similar way as the meaning of *homoseksualistka* and *lesbijka*, cf. ‘kobieta, której popęd płciowy jest skierowany ku innym kobietom’ [a woman whose sex drive is directed towards other women]. The meaning of the noun *trybada* in turn is defined somewhat differently in this dictionary, cf. ‘kobieta o homoerotycznej orientacji seksualnej’ [a woman of homoerotic sexual orientation].

Despite the differences in the definitions of their meanings mentioned above, the nouns *lesbijka*, *homoseksualista*, *safonka* and *trybada* can be considered synonyms.

On the other hand, the nouns *lesba* and *lesbija*, although they have the same reference as the names discussed above, are characterized by a negative feeling towards a woman called in this way. This negative attitude was expressed in two ways: either through the definitions of the meaning of the noun *lesbian*, cf. ‘z **niechęcią** o lesbijce’ [with reluctance about a lesbian] (SWJP) and ‘**pogardliwe** określenie kobiety uprawiającej seks z innymi kobietami’ [a contemptuous description of a woman who has sex with other women]⁹ (PSWP; because this definition is referred to under the entry *lesbija*, so this noun also has the same negative characteristics), or by using a qualifier, as in the WSJP, where the entry *lesba* was qualified as a contemptuous name.

2.2. The colloquial Polish

The nouns *lesba* and *lesbija*, noted in the general dictionaries, can be found in most dictionaries of colloquial Polish. In both dictionaries by M. Czeszewski (SSM and SPPCz), and in the MSSiMP, the graphic variant of the noun *lesba* is given, i.e. *lezba*, which accords with its pronunciation. It is worth noting at this point that in the MSSiMP we can also find the entry *lesbijka*, whose meaning, however, is defined in a different way than in the dictionaries of general Polish, cf. ‘Homoseksualista rodzaju żeńskiego’ [a female homosexual]. In the SPLP, the *lesba* and *lesbija* nouns are characterized as names expressing a negative emotional relationship to a woman called in this way, and this negativity is encoded by the expressions: *z dezaprobatą*¹⁰ [disapproving] and *z niechęcią*¹¹. In other dictionaries, the definitions of its meanings are either limited to emotionally unmarked synonymous expressions, such as *lesbijka/o lesbijce* [about lesbian] or *kobieta homoseksualna* [a homosexual woman], or they have a descriptive form, cf. *lezba* in the MSSiMP: ‘kobieta która nie interesuje się płcią przeciwną czyli interesują ją związki kobieta z kobietą’¹² [a woman who she is not interested in the opposite sex, that is, she is interested in relationships of women with women].

In dictionaries of colloquial Polish and slang Polish, other names of homosexual women are also noted (not listed in general Polish dictionaries): *butch* ‘męska lesbijka’ [a male lesbian] (GLS) or ‘lesbijka’ [lesbian] (MSSiMP), *ciepła* [warm] ‘lesbijka’ (SPLP, MSSiMP), *dyke* ‘lesbijka’ (GLS), *hokeistka* [female hockey player] ‘lesbijka’ (GLS), *leska* [less] ‘z niechęcią i dezaprobatą o lesbijce’ [with aversion and disapproval about a lesbian] (SPLP) and ‘lesbijka’ (GLS), *lessi* [less] ‘lesbijka’ (VID), *skrytka* [a secret lesbian], ‘ukrywająca się lesbijka’ [a lesbian in hiding] (GLS), and the phraseological combination *ciepła siostra* [a warm sister] ‘lesbijka’ (see SPLP). Two of these nouns, *hokeistka* and *skrytka*, are homonyms of words known in the general Polish (semantic neologisms)¹³. The words *butch* and *dyke*, in turn, are borrowings that primarily belong to the English slang of LGBT milieu¹⁴.

On the Internet, in addition to examples of the use of the *butch* noun, the name *femme* (as a reference to the opposite role in relationships between two women) appears, also borrowed from English slang¹⁵, cf.

*Zapewne większości z was jest znany „podział” lesbijek na **butch** i **femme**.*¹⁶ [Most of you are probably known for “dividing” lesbians into butch and femme.]

The motivational foundation for the name *lessi* can be the noun *less*, which is a variant of the noun *les*, which in turn is the result of the truncation of English noun *lesbian*¹⁷. However, the acknowledged creativity of young users of teenage slang suggests that this may be the result of the appellativization of the proper name *Lassie* (pronounced læsi), the name of a bitch – an animal character in the novel *Lassie Come-Home* written by Eric Knight, which appeared in 1940 and belongs to the classics of children’s and youth literature.

3. The names of homosexual men¹⁸

3.1. The standard Polish

In the oldest dictionary (SJPD) under inspection, we can find the nouns *homoseksualista* [homosexual], *pedał* [faggot] and *pederasta* [pederast]. In the two dictionaries published later (SJPSz and SWJP), the entry *ciota* [augmentative form of *ciotka* ‘aunt’] appeared. In addition, in the SWJP, there were also entries not found in the SJPSz, such as *gej* [gay] and *pedzio* [diminutive form of *pedał*], and more interestingly – also entries that are not included in the new USJP, namely:

homek and *homoś* [diminutive forms of *homo* ‘homosexual’]. Most names of homosexual men are listed in the PSWP. In addition to the entries mentioned above, the following nouns are also mentioned: *buzzer* [bugger], *cegielnia* [brickyard], *cieplaj* [derivative form from *ciepły* ‘warm’], *ciotka* [aunt], *homoniepewny* [homo-uncertain] and *homo-nie wiadomo* [homo-unknown]. The new dictionaries contain a smaller number of names: in the ISJP we find the entries *gej*, *homoseksualista*, *pedał*, *pederasta*, *pedzio*, and in the USJP – the entries *ciota*, *gej/gay*¹⁹, *homoseksualista*, *pederasta*²⁰, *pedał*, *pedzio*. Previously unlisted nouns appeared in the latest WSJP: *cieplak* [derivative form from *ciepły* ‘warm’], *czajnik* [kettle], *parówa* [augmentative form of *parówka* ‘sausage’], *pedryl* [faggot] and four other graphic variants of the noun *homo-nie wiadomo* (cf. *homoniewiadomo*, *homo nie wiadomo*, *homo niewiadomo*, *homo-niewiadomo*), as well as the compound name *ciepły brat*²¹ [warm brother] (qualified there as a colloquial word).

The collective name for homosexual men is the noun *pedalstwo* [all faggots], which first appeared in the SWJP, then in the USJP (in both dictionaries in the meaning ‘ogół homoseksualistów’ [the totality of homosexuals]), and the WSJP (‘ogół mężczyzn odczuwających pociąg seksualny do innych mężczyzn’ [the totality of men who are sexually attracted to other men]). In all these dictionaries, the name *pedalstwo* is qualified in a similar way: as a word belonging to an unofficial (colloquial) variety of Polish (in the USJP and the WSJP also with the qualifier *pospolicie* [common]). In the WSJP (in the same meaning), the noun *gejostwo* [all gays] (without qualifiers) appeared.

Of the abovementioned unit names (in accordance with their qualification in the analyzed dictionaries of the general Polish), the colloquial nouns include: *cieplak* (WSJP), *ciota* (SWJP and USJP), *gej* (in USJP), *homek* (SWJP), *homoniepewny* (PSWP), *pedał* (PSWP, ISJP and USJP), *pedzio* (WSJP, ISJP and USJP), and the common names are (additionally or only) – *ciota* (ISJP and USJP), *pedał* and *pedzio* (USJP). On the other hand, the nouns *buzer*, *cegielnia*, *cieplaj*, *ciotka*, recorded only in the PSWP, are qualified there as community variations of names (including the *cegielnia* and the *ciotka* as belonging to the criminal slang²²). The nouns *czajnik* (in WSJP) and – interestingly – *gej* (in ISJP) were also recognized as community variations words.

The noun *ciotka* in homosexual slang has a different meaning than in the slang of criminals, namely it labels the so-called bent homosexuals (who resemble a behaviour and/or way of speaking to women) and even gains a positive emotional charge – it is an expression of fondness, as illustrated by the text of the novel *Lubiewo* by Michał Witkowski:

Ciotki w sweterkach, apaszkach paliły papierosy, siedziały w kinowym barze, (...) piły herbatę w szklankach, obgadywały się, plotkowały (...). (Witkowski 2005: 108) [Aunts in sweaters and scarves smoked, sat in a cinema bar, (...) drank tea in glasses, bitched each other, gossiped (...).]

It can therefore be concluded that in the second half of the 20th century only nouns *homoseksualista* and *pederasta* functioned as the standard names of homosexual men in the general Polish language, yet they differed in the scope of reference: *homoseksualista* as the name also referred to women (the noun *osoba* [person] is used in the definitions of its meaning in the SJPD, SJPSz and SWJP), and the word *pederasta* functioned as the name of a homosexual man (the noun *mężczyzna* [man] is used in the definitions of its meaning in the dictionaries). At the turn of the 20th and 21st centuries, the scope of meaning of the noun *homoseksualista* narrowed only to men, as illustrated by the definitions in the ISJP („**mężczyzna**, dla którego atrakcyjni seksualnie są inni mężczyźni” [a **man** for whom other men are sexually attractive]) and the USJP («**mężczyzna** uprawiający homoseksualizm; pederasta, gej» [a **man** practicing homosexuality; pederast, gay]). The noun *pederasta* in both these dictionaries is treated as a synonym of the noun *homoseksualista*, in the ISJP with the note: „Słowo używane jest **z dezaprobatą**.” [The word is used with disapproval]. In the USJP (based on which the work began at the turn of 1994 and 1995), the nouns *homoseksualista* and *pederasta* were considered psychological and medical terms (similar to *lesbijka*, see 2.1 above).

The noun *pederasta* is borrowed from French, see *pédéraste*, and etymologically it is the name of a man who is sexually attracted to boys²³. As the dictionary definitions analyzed above

show, its contemporary meaning has changed (expanded its scope). In the SJPD and the SJPSz, its meaning is defined by the noun *pederastia* [pederasty] («mężczyzna uprawiający **pederastię**» [a man practicing pederasty]), whose meaning in the same dictionary is defined as «zбочenie płciowe» [sexual perversion]. The concept of perversion disappeared from the relevant definition in the SJPSz, cf. «uprawianie stosunków płciowych między mężczyznami; homoseksualizm męski» [engaging in sexual relations between men; male homosexuality]. Both in the SJPSz and in the new dictionaries (SWJP, PSWP, WSJP) the meaning of the noun *pederasta* is already defined without the mediation of the noun *pederastia*, cf. e.g. ‘mężczyzna mający skłonności homoseksualne, uprawiający stosunki płciowe z mężczyznami; homoseksualista’ [a man with homosexual tendencies, engaging in sexual relations with men; homosexual] (SWJP).

3.2. The colloquial Polish

The colloquial names of homosexual men, recorded in the dictionaries of general Polish, include the following nouns: *cieplak*, *ciota*, *gej*, *homek*, *homoniepowny*, *pedał* and *pedzio* (see 3.1. above).

The noun *pedał* in the SJPD and SJPSz is defined by the word *pederasta*, and in the SWJP, ISJP, USJP and WSJP it is described with the aid of the word *homoseksualista*. Similarly, the noun *pedzio* is defined in the SWJP by the noun *pederasta*, whilst in the WSJP it is delineated by resorting to the noun *homoseksualista*. The fragmented definition of the word’s meaning *pedzio* was used in the PSWP, cf. „określenie mężczyzny, który uprawia seks z innymi mężczyznami, odczuwa pociąg płciowy do mężczyzn” [the description of a man who has sex with other men, who is attracted to men]. In the same dictionary, the derivative relationship *pederasta* → *pedał* is directly indicated. However, the name *pedał* is genetically associated with the French noun *pédé*, which is an abbreviation of the word *pédéraste* (see 3.1. above). On the other hand, the name *pedzio* (see in the PSWP and ISJP) is a derivative of the noun *pedał*.

The meaning of the noun *ciota* is usually defined solely by the noun *homoseksualista* (SJPSz, SWJP, USJP). Interestingly, in the PSWP the relevant definition indicates the reference of the name not only to males, as the neutral noun *osoba* [person] is used, cf. „**osoba**, która przejawia pociąg płciowy do osobnika tej samej płci” [a **person** who exhibits sexual attraction to an individual of the same sex].

Also, the meaning of the noun *gej* is defined in most dictionaries only by the word *homoseksualista* (SWJP, ISJP, USJP). The fragmented definition of the word’s meaning *gej* is provided by the WSJP (‘mężczyzna, którego pociągają seksualnie inni mężczyźni’ [a man who is sexually attracted to other men]) and the PSWP, where, importantly, reference is made to homosexuals accepting their sexual orientation (cf. „mężczyzna o orientacji homoseksualnej, zwłaszcza akceptujący swoją homoseksualność” [homosexual man, especially accepting his homosexuality]).

The nouns *homoniepowny*, *homek* and *homoniewiadowo* are undoubtedly formally associated with the noun *homoseksualista* through a common component *homo-* (which, however, also functions in words not related to sexual orientation). With the aid of this noun, the name *homek* is defined (SWJP). The noun *homoniewiadowo* is an ambiguous name, because it can refer to either the truly homosexual man or to the man perceived as homosexual, cf. *homoseksualista* lub mężczyzna za takiego uważany na podstawie oceny jego wyglądu i zachowania” [homosexual or man considered as such on the basis of his appearance and behaviour] (WSJP). On the other hand, from the definition of the meaning of *homoniepowny*, certainty one can read the suggestion that it refers to both men and women, cf. „lekceważące określenie homoseksualisty – osoby kierującej popęd seksualny do osobników tej samej płci...” [disregarding the term homosexual – a person directing sex drive to individuals of the same sex ...] (PSWP). It seems that all these names are created from the noun *homo*, not found in the general dictionaries, which, however, is present in the dictionaries of the colloquial Polish language.

The noun *cieplak*, as the name describing a homosexual man (as it is defined in the WSJP), may be the result of the universalization of the colloquial expression *ciepły brat* (see above).

The names of the homosexual men, which were noted only in the dictionaries of the colloquial

and/or the slang Polish, include²⁴: *adidas* (SA, SPLP), *buzelant* [buzzer], *buzerant* [buzzer] (SPLP), *ciepły* [warm] (SPLP and SPPCz, TSNP, MSSiMP), *cwel* (SA and SPPAiS ‘homoseksualista bierny’ [passive homosexual], SPLP ‘(więzień) homoseksualista’ [(prisoner) homosexual], SPPCz ‘o homoseksualiście’ [about a homosexual], MSSiMP and SPS ‘mężczyzna zmuszany do odbywania (oralnych i analnych) stosunków homoseksualnych, zwłaszcza w więzieniu’ [man forced to perform (oral and anal) homosexual relations, especially in prison]), *fag* (MSSiMP), *faggot* (MSSiMP), *gejowy* [as gay] (VID), *gejsza* [geisha] (MSSiMP ‘cichy gej, ukrywający się’ [quiet gay, hiding]), *gładki* [smooth] (MSSiMP), *homik* [derivative from *homo* noun] (TSNP, GLS, MSSiMP, VID), *homo* (SPLP, TSNP), *homoerota* [homoerot] (SPLP), *homos* [derivative from *homo* noun] (SPLP, VID), *homoser* [homochees] (SPLP), *homoserek* [diminutive from *homoser*] (SPLP, SPPC), *homospecjalista* [homoexpert] (SPLP), *homuś* [derivative from *homo* noun] (SPLP, SPPCz ‘to samo co homek’ [the same as *homek*]), *koleżanka* [friend – female form] (GLS ‘homoseksualny kolega’ [homosexual friend]), *lalunia* [derivative from *lala/lalka* [doll] (GLS ‘partner pasywny’ [passive partner]), *lawenda* [lavender] (TSNP), *pedziu* [derivative from *pedał*] (SPPCz²⁵), *spedały* [derivative from *pedał*] (SPPCz ‘taki, który stał się, jest pedałem’ [who is/became the faggot]), *spedalony* [derivative from *pedał*] (SPPCz ‘to samo co spedały’ [the same as *spedały*], MSSiMP), *wesołek* [cheerfuller] (MSSiMP).

In addition to the simple names (single-words) listed above, some compound names also appear. In the MSSiMP dictionary, two composition-words are noted: *obcisły gej* [tight-fitting gay] (as the synonym for *gładki*) and *spedalony gej* [faggot gay] (‘niepohamowany homoseksualista’ [unrestrained homosexual]). The VID online dictionary contains the phrase *być ciepłym* [to be warm] in the sense ‘mieć skłonności homoseksualne, okazywać niezdrowe zainteresowanie osobnikami swojej płci’ [having homosexual inclinations, showing unhealthy interest in individuals of your gender].

The noun *cwel* (just like the *ciotka* and the *parówa*) belongs above all to the criminal slang, where it means only sexually inactive men, not necessarily homosexual (it is the name of men or prisoners forced into sexual relations by other men²⁶). As the name of every homosexual, this noun is defined only in the SPPCz.

The related nouns *fag* and *faggot*²⁷ are of foreign origin. In the English-speaking countries, *faggot* is the slang name (contemptuous and offensive) of a homosexual²⁸, and *fag* is its offensive American variant²⁹.

The noun *homoerota* was known before the World War II, as evidenced by the article titled *Literatura „mniejszości seksualnych”* [The literature of “Sexual Minorities”] by Tadeusz Boy-Żeleński, published in 1930 (no. 51–52) in “Wiadomości Literackie”, cf.

Istnieją homoeroci naturalni i inni – można powiedzieć – sztuczni. Skąd ci się biorą. Po większej części stwarza ich kodeks. (Boy-Żeleński 1956: 252) [There are natural homoerots and others – one can say – artificial. Where do they come from? For the most part, they are created by their code]

The noun *homoerota*, absent in the contemporary standard Polish³⁰, was also reminded by Michał Witkowski (and put in quotation marks probably due to its “non-contemporaneity”) in the novel already quoted, cf.

Czy przed wojną było dokładnie tyle samo „homoerotów”? Czy gdzieś się spotykali i uprawiali seks? (Witkowski 2005: 30) [Was the number of homoerots exactly the same before the war? Did they meet and have sex somewhere?]

Some of the colloquial names of homosexual men, described above, qualify as emotionally marked nouns. Generally, the noun *homoś* (SWJP) was defined as expressive. In most cases, these names are assigned a negative charge. The nouns *ciota*, *pedał* (TSNP) and *pedryl* (MSSiMP, TSNP) were considered pejorative. On the other hand, the nouns *cieplak* (SWJP), *cwel* (SPPAiS), *parówa* (WSJP), *pedalstwo* (USJP, SWJP, WSJP, SPPAiS, SPPCz), *pedzio* (SWJP, SppCz) and *pedziu* (SppCz), and also *ciota* (SJPSz, SWJP, PSWP, SPPAiS, Mssimp), *pedał* (WSJP, SPPAiS) and *pedryl* (WSJP, SPPAiS, SPPCz) are treated as contemptuous names. The noun *pedał* is also qualified as

offensive (ISJP) and vulgar (SJP, SJPSz, PSWP, SWJP, PSJP). The lack of the qualifier *vulgar* with the entry *pedał* in the USJP may indicate a generational change in the sense of its vulgarity (or vulgarity as such). The nouns *ciota* (PSWP), *parówa* (SPPAiS) and *pedryl* (MSSiMP) are considered vulgar, and the nouns *cieplak*, *fag* and *spedalony* are perceived as offensive (MSSiMP). The name *pedzio*, on the other hand, is additionally provided with an expressive qualifier *ironically* (SWJP) or *dismissively* (SPPAiS). Also the noun *spedalony* is considered as a name tinged with irony (MSSiMP).

Positive nouns have only the nouns *homoniewiadomo* (*homo-niewiadomo*), qualified as humorous (WSJP, SPPAiS), and *homik*, which is the homophonic neo-semanticism of the standard noun *chomik* [hamster] (common pronunciation: xom'ik), for the definition of the meaning of the noun *homik* see the VID: „**pozytywne** określenie mężczyzny o odmiennej orientacji seksualnej, używane przez osoby tolerancyjne, wręcz sympatyzujące ze środowiskiem gejowskim”³¹ [positive term for a man with a different sexual orientation, used by tolerant people, who even sympathize with the gay community].

Among the common names of homosexual men there are several other homonymous nouns with nouns belonging to standard Polish, namely: *cegielnia*³², *ciotka*³³, *czajnik*³⁴, *gejsza*³⁵, *lawenda*³⁶, *pedał*³⁷ (within the colloquial Polish, are nouns *adidas*³⁸, *ciota*³⁹ and *wesołek*⁴⁰).

An interesting explanation for the use of the word *czajnik* standing for homosexual men can be found in the GLS, where R. Biedroń refers this name only to gays taking an effeminate pose (the characteristic bending of the body resembles the spout of the S-shaped kettle).

4. Final remarks

Drawing on the analysis presented above, it can be concluded that only the nouns *homoseksualistka*, *lesbijka*, *safonka* and *trybada*, which have been recorded solely in general dictionaries of the Polish language, should be considered strictly standard (and in no way marked) homosexual women's names (*safonka* and *trybada* – as it seems – are rarely used names). The names of homosexual men, which belong to the general Polish language are also scarce, and they include the nouns *homoseksualista* and *pederasta*. Seemingly, both these names are currently superseded by the use of the term at first used only as a community slang word, and then the colloquial name *gej*, which was still recorded in the English-language form *gay*⁴¹ in the SA (the author of this dictionary states that this word is used primarily in the prison dialect).

The noun *gej* is derived from the English word *gay* in the PSWP. The English word *gay* was also noted in the USJP; however, it already refers to the entry *gej*, where American and English sources of his origin are pointed out⁴². In contrast, the TSNP gives the French noun *gai* as the basis for the Polish name *gej*. It is not impossible, however, that the calque of the English adjective *gay* ('cheerful') is the Polish colloquial name *wesołek*.

There are many more colloquial names, including cases illustrating community dialect (see 2.2 and 3.2 above). Numerous nouns with pejorative overtones (including contemptuous and offensive) testify the negative attitude of (heterosexual) language users to homosexual persons. Names of this type are used as invectives directed at heterosexuals, so that their “recipient knows that the speaker has wrong feelings towards him, and so that the recipient feels bad because of that” (Grochowski 1995: 18), as exemplified by the name *pedał*. If such names are used in reference to homosexual men, they are also exemplifications of an expression of homophobia and belong to the so-called homophobic hate speech.

Finally, we must mention the names that do not semantically indicate the gender of the homosexuals they refer to. As it turns out, they are primarily complex (descriptive) names. In his dictionary, R. Biedroń gives the expression *człowiek z orkiestry* [a man from the orchestra] ‘osoba ze środowiska gejowsko-lesbijskiego’ [a person from the gay-lesbian community] (GLS), while in two general dictionaries there was a playful compound name *kochający inaczej* [the loving otherwise] (SWJP, WSJP⁴³). In ISJP, the entry *inaczej* [differently/ otherwise] corresponds to the phrase about collective reference – *ludzie, którzy kochają inaczej* [the people who love otherwise]. The author of the SPPCz, in turn, provides us with the phrase *być homo* [to be homo], which can be used with

reference to both gays and lesbians, cf. ‘odczuwać pociąg seksualny do osoby tej samej płci; być pedałem, lesbijką’ [to feel sexually attracted to a person of the same sex; be a fagot, a lesbian]. In two dictionaries of colloquial Polish (MSSiMP, TSNP) and in the dictionary by R. Biedroń (GLS), there is a collective noun *branża* [trade] (broadly naming persons with different sexual identities and, more narrowly, the gay-lesbian milieu). The noun *środowisko* [milieu] is also used in the same sense.

Abbreviations:

GLS – Biedroń Robert, *Gejowsko-lesbijski slang*, in: Robert Biedroń, *Tęczowy elementarz, czyli (prawie) wszystko, co chcielibyście wiedzieć o gejach i lesbijkach*, Warszawa: AdPublik 2007, 118–119.

ISJP – Bańko Mirosław (ed.), *Inny słownik języka polskiego*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2000.

MSSiMP – *Miejski. Słownik slangu i mowy potocznej*, online: <http://www.miejski.pl/> (December 10.2019),

PSWP – Zgólkowa Halina (ed.), *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*, Poznań: Wydawnictwo Kurpisz 1994–2005.

SA – Kania Stanisław, *Słownik argotyzmów*, Warszawa: Wiedza Powszechna 1995.

SJPD – Doroszewski Witold (ed.), *Słownik języka polskiego*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1963–1969.

SJPSz – Szymczak Mieczysław (ed.), *Słownik języka polskiego*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1978–1981.

SPLP – Lubaś Władysław (ed.), *Słownik polskich leksemów potocznych*, Kraków: Instytut Języka Polskiego 2001–.

SPPAiS – Anusiewicz Janusz, Skawiński Jacek, *Słownik polszczyzny potocznej*, Warszawa – Wrocław: Wydawnictwo Naukowe PWN 1996.

SPPCz – Czeszewski Maciej, *Słownik polszczyzny potocznej*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2006.

SPS – *Słownik Polskiego Slangu*, online: <http://www.ug.edu.pl/slang> (10.12.2019).

SSM – Czeszewski Maciej, *Słownik slanu młodzieżowego*, Piła: Wydawnictwo Ekolog 2001.

SWJP – Dunaj Bogusław (ed.), *Słownik współczesnego języka polskiego*, Warszawa: Wydawnictwo Wilga 1996.

TSNP – Chaciński Bartek, *Totalny słownik najmłodszej polszczyzny*, Kraków: Wydawnictwo Znak 2007.

USJP – Dubisz Stanisław (ed.), *Uniwersalny słownik języka polskiego*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2003.

VID – *Vasisdas. Slang – Neologizmy – Mowa potoczna*, online: <http://www.vasisdas.pl/> (December 10.2019)

WSJP – Żmigrodzki Piotr (ed.), *Wielki słownik języka polskiego*, online: <https://www.wsjp.pl/> (December 10.2019).

Notes

¹ See Biedroń 2007:118–119.

² See <http://www.miejski.pl/>.

³ See <http://www.ug.edu.pl/slang>.

⁴ See <http://www.vasisdas.pl/>.

⁵ See Dyszak 2014.

⁶ No definition, with reference made to the entry *lesba* and the indication of its origin from the noun *lesbijka*.

⁷ Defined only by the name *lesbijka*.

⁸ See in the SJP: *miłosny* [love] «wyływający z miłości, pełen miłości, nacechowany miłością, **erotyczny**» [arising from love, full of love, marked by love, **erotic**] i *erotyczny* [erotic] 1. «dotyczący miłości **pliciowej**; zmysłowy» [concerning sexual love; sensual]. The underlines (= bold) in all dictionary definitions cited and in other quotes are mine – A.S.D.

⁹ Contempt is a more intense feeling of resentment, cf. *niechęć* [aversion] 2. «nieprzyjemne uczucia względem kogoś; uprzedzenie, niezyczliwość» [unfriendly feelings towards someone; prejudice, unkindness] (USJP), and *pogarda* [contempt] «uczucie bardzo **silnej niechęci**, połączone zwykle z poczuciem własnej wyższości wobec kogoś lub czegoś; lekceważenie» [feeling very strong aversion, usually combined with a sense of superiority towards someone or something; disregard] (USJP).

¹⁰ See the definition of the meaning of the noun *dezaprobatą* [disapproval]: «ujemna ocena czegoś, np. czyjegoś postępowania, negatywny stosunek do czegoś; potępienie, niechęć» (USJP) [negative assessment of something, e.g. someone's behaviour, negative attitude towards something; condemnation, dislike].

¹¹ See the definition of the meaning of the noun *niechęć* [aversion] (footnote 9).

¹² Non-orthographic record of words *który* and *związki* consistent with the original.

¹³ In the standard Polish, the word *hokeistka* is the female form of the noun *hokeista* [hockey player]: «członek drużyny hokejowej» [member of the hockey team] (USJP), and the *skrytka* [locker]: «miejsce, gdzie można coś ukryć; schowek» [a place where you can hide something; a closet] (USJP).

¹⁴ See *LGBT slang* in *Wikipedia*: butch 'masculinity, particularly in a lesbian', dyke 'a masculine lesbian; originally a slur, reclaimed in the 1970s' (https://en.wikipedia.org/wiki/LGBT_slang).

¹⁵ See *femme* in *LGBT slang* (*Wikipedia*): a feminine lesbian (https://en.wikipedia.org/wiki/LGBT_slang).

¹⁶ *Butch i femme – kwestia wyglądu czy osobowości?* (<https://kobiety-kobietom.com/forum/viewtopic.php?t=2859>).

¹⁷ The noun *les* (along with *leska* and *lesa*) is described by Jagoda Rodzoch-Malek (see 2012: 55, 148-149, 165, 200-201, 211).

¹⁸ See Dyszak 2012.

¹⁹ The entry *gay* refers to the entry *gej*.

²⁰ In the USJP, the meaning of the name *pederasta* is not defined, but it refers to the entry *homoseksualista*.

²¹ Rodzoch-Malek (2012: 165) recognizes the phrase *ciepły brat* as a calque from the English *warm brother*. One can, however, look for the sources of this combination in German, cf. *warmer Bruder*.

²² The noun *cegielnia* provided there is the name of a passive homosexual or prisoner used for homosexual practices (see Stępnia 1993). A similar meaning of the noun *ciotka* can be read from the definition of the phrase *bawić się z ciotką* [playing with an aunt]: «stosunek homoseksualny» [homosexual intercourse] (ciota 4. in Stępnia 1993).

²³ See explanations provided by the entry *pederasta* in Kopaliński 1971: gr. *paidēraḥstía doḥl*. 'miłość do chłopców' od *paidēraḥstēs* 'doḥl. kochający chłopców' [gr. *paidēraḥstía lit. 'love for boys' from paidēraḥstēs 'lit. loving boys'*], and in the SJP: gr. *paidēraḥstēs*; od *pais*, *paidós* = dziecko, chłopiec + *erāō* = kocham [gr. *paidēraḥstēs*; from *pais*, *paidós* = child, boy + *erāō* = love].

²⁴ In most dictionaries their meanings are usually defined using the noun *homoseksualista*, less often nouns *gej* and / or *pedał* appear in the definitions. If it is stated otherwise, I provide the appropriate definition after the symbol (abbreviation) of the dictionary.

²⁵ The word *pedziu* has no separate entry in this dictionary, it is given as an alternative noun to *pedzio*.

²⁶ See Stępnia 1993. There are also derived names: *cwelqtko*, *cweler*, *cwelik*.

²⁷ As defined by the number 2 in the MSSiMP, *fag* is the abbreviation (actually: shortening – result of clipping) of the word *faggot*.

²⁸ See <https://pl.wiktionary.org/wiki/faggot>.

²⁹ See [https://pl.wiktionary.org/wiki/fag#fag_\(język_angielski\)](https://pl.wiktionary.org/wiki/fag#fag_(język_angielski)).

³⁰ Interestingly, it was also used (among others) by Władysław Kopaliński (1971) to define the noun *pederasta*, cf. „homoseksualista, **homoerota**; mężczyzna uprawiający pederastię, stosunki płciowe z mężczyznami” [homosexual, homoerotic; a man practicing pederastia, sexual relations with men].

³¹ The word *homik* in the plural (*homiki*) was used as the name of the internet “positively homosexual portal” (see <http://www.homiki.pl/>).

³² See *cegielnia* in the USJP: «wytwórnia cegły oraz innych materiałów budowlanych z gliny» [a factory of brick and other building materials made of clay].

³³ See *ciotka* in the USJP: «siostra lub kuzynka matki albo ojca; żona brata albo kuzyna matki lub ojca» [a sister or cousin of a mother or father; wife of a brother or cousin of the mother or father].

³⁴ See *czajnik* in the USJP: «zakryte naczynie z dziobkiem, służące do gotowania wody na herbatę; imbryk» [a covered dish with a spout for boiling water for tea; teapot].

³⁵ See *gejsza* in the USJP: «w Japonii: kobieta zawodowo zajmująca się uprzyjemnianiem czasu (np. muzyką, tańcem, rozmową) mężczyznom podczas zebrań towarzyskich» [in Japan: a woman professionally engaged in making time more enjoyable (e.g. with music, dance, conversation) for men during social gatherings»].

³⁶ See *lavender* in the USJP: «...roślina zielna, krzew lub krzewinka...» [... herbaceous plant, shrub or shrublet].

³⁷ See *I. pedał* in the USJP: «w urządzeniach różnego typu, pojazdach mechanicznych, instrumentach muzycznych: mechanizm dźwigniowy uruchamiany przez naciśnięcie stopą» [in devices of various types, motor vehicles, musical instruments: a lever mechanism actuated by pressing the foot].

³⁸ See *adidas* in the USJP: «but sportowy na grubej gumowej podeszwie» [sports shoe on a thick rubber sole].

³⁹ See *ciota* in the USJP: a) «z niechęcią o kobiecie» [with reluctance about a woman], c) «miesiączka» [menstruation].

⁴⁰ See *wesołek* in the USJP: «osoba o wesołym usposobieniu, skłonna do bawienia innych żartami, dowcipami; dowcipniś, żartowniś» [a person with a cheerful disposition, prone to amusing others with jokes; prankster, joker].

⁴¹ The testimony for the use of the English word *gay* in the 1990s in Polish was the title of the magazine published in that time known as “Gayzeta” [Gaypaper].

⁴² The English-American origin of this noun is also indicated in Sobol 2002.

⁴³ Only in this dictionary as a separate entry, in the SWJP it is defined as *eufemizm*. This expression can also be found in the title „Magazyn kochających INACZEJ” [Magazine of the loving OTHERWISE].

REFERENCES

1. Biedroń, Robert. *Tęczowy elementarz, czyli (prawie) wszystko, co chcielibyście wiedzieć o gejach i lesbijkach* / Biedroń Robert. – Warszawa: AdPublik, 2007.
2. *Butch i femme – kwestia wyglądu czy osobowości?*, online: <https://kobiety-kobietom.com/forum/viewtopic.php?t=2859> (December 10.2019).
3. Dyszak, Andrzej S. *Nazwy mężczyzn homoseksualnych we współczesnym języku polskim*, „Studia Językoznawcze” XI / Dyszak Andrzej S. – Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu szczecińskiego, 2012. – 55-80.
4. Dyszak, Andrzej S. *Nazwy nieheteroseksualnych kobiet we współczesnej polszczyźnie standardowej i potocznej*, in: Jan Wawrzyńczyk (ed.), *Speculum Linguisticum vol. 2.* / Dyszak Andrzej S. – Warszawa: BEL Studio Sp. z o.o., 2014. – 45-60.
5. Grochowski, Maciej. *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów* / Grochowski Maciej. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1995.
6. *Homiki.pl*, online: <http://www.homiki.pl/> (December 10.2019).
7. Kopalński, Władysław. *Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych z suplementem* / Kopalński Władysław Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971.
8. *LGBT Slang*, in: Wikipedia, https://en.wikipedia.org/wiki/LGBT_slang (December 10.2019).
9. Rodzoch-Malek, Jagoda. *W jaki sposób mówi się w polszczyźnie o homoseksualizmie i osobach homoseksualnych? Analiza leksyki na podstawie danych leksykograficznych i tekstowych*, online (PDF): <http://depotuw.ceon.pl/bitstream/handle/item/204/Doktorat-J.Rodzoch-Malek.pdf?sequence=1> (10.12.2019).
10. Sobol, Elżbieta, (ed.). *Słownik wyrazów obcych* / Sobol Elżbieta. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
11. Stępiak, Klemens. *Słownik tajemnych gwar przestępczych* / Stępiak Klemens. – Londyn: Puls Publications Ltd., 1993.
12. *Wikisłownik*, online: <http://pl.wiktionary.org/wiki/> (December 10.2019).
13. Witkowski, Michał. *Lubiewo* / Witkowski Michał. – Kraków: korporacja ha!art, 2005.
14. Żeleński, Tadeusz (Boy). *Literatura „mniejszości seksualnych”*, „Wiadomości Literackie” 51–52/1930, in: Tadeusz Żeleński-Boy, *Pisma t. 17*, edited by Henryk Markiewicz / Żeleński Tadeusz. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956.

Материал поступил в редакцию 10.04.20

КАКОВЫ ИМЕНА ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ ЖЕНЩИН И ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ МУЖЧИН В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ?

А.С. Дышак, профессор, доктор наук, ординарный профессор
Университет Казимира Великого (Быдгощ), Польша

***Аннотация.** Изменения в именовании гомосексуальных женщин и мужчин можно увидеть, изучив и сравнив содержание основных словарей определений польского языка за последние 50 лет, а также словари разговорного польского языка, включая онлайн-словари разговорного польского языка и сленга. Могут наблюдаться многочисленные различия в определениях и квалификаторах имен гомосексуальных женщин и мужчин в цитируемых выше словарях. Только имена существительные *homoseksualistka* (гомосексуалистка), *lesbijką* (лесбиянка), *safonka* (сафонка) и *trybada* (трибада) должны считаться строго стандартными именами гомосексуальных женщин (*safonka* и *trybada* – как кажется – редко используемые имена). Например, существительное *lesba* – разговорное и презрительное имя для лесбиянок. Кажется, что обычно используемое сегодня имя гомосексуальных мужчин – *gej* (гей), которое вытесняет слова *homoseksualista* (гомосексуальный) и *pederasta* (педераст) из стандартного польского языка. Явное большинство уничижительных имен, например *pedał* (педал; включая презрительные и оскорбительные имена) демонстрирует негативное отношение пользователей языка к гомосексуальным мужчинам.*

***Ключевые слова:** имена гомосексуальных женщин, имена гомосексуальных мужчин, стандартный польский, разговорный польский, сленг ЛГБТ.*

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 3 (27), май / 2020

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель и издатель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 13.05.2020 г. Дата выхода в свет: 20.05.2020 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 72. Свободная цена. Тираж 100.